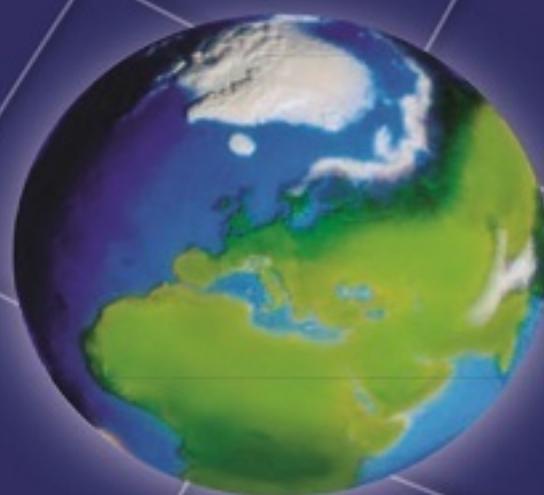

А. С. Филатов

РОССИЯ И МИР

ГЕОПОЛИТИКА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

монография

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПЛАТФОРМА ЦИВИЛИЗАЦИИ

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА

«ПРОСПЕКТ»

Анатолий Филатов

**Россия и мир. Геополитика
в цивилизационном
измерении. Монография**

«Проспект»

Филатов А. С.

Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении.
Монография / А. С. Филатов — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-216883-5

В работе рассматривается актуальная в современном глобальном мироустройстве проблема геополитического взаимодействия, конкуренции и конфликтов. При этом акцент делается на анализе культурно-цивилизационного влияния на геополитическое форматирование как в условиях современного мира, так и в процессе исторического развития человечества. Именно исследование исторического процесса позволяет сделать вывод о том, что «территория существования социума является не просто природно-географической средой жизни общества, а в результате определенного типа человеческой деятельности становится полем формирования собственного социокультурного пространства для цивилизационной модели». Автором предлагаются совершенно новые модели рассмотрения геополитических процессов. Для этого автор дает собственные интерпретации уже существующих понятий, таких как «культура», «политика», «геополитика», «цивилизация», и вводит новые – «способ экзистенциального взаимодействия», «источник социального существования», «исторические типы обществ», «мировая ось культуры». В результате выстраивается теоретическая модель перемещения очагов мировой культуры, которая объясняет формирование источников геополитической активности в истории и современности. В книге на основе социокультурной детерминации образования цивилизационных конструкций и моделей обосновывается формирование на платформе очагов Мировой оси культуры глобально-исторических статусных типов цивилизаций, которые «институционально и нормативно обустривают окультуренное пространство существования социума». В результате возникает объяснение существования Древнеегипетского, Древнемесопотамского, Древнеиндийского, Древнекитайского, Майя, Северосредиземноморского (Древнегреческого, Древнеримского и Византийского), Евроатлантического

(Европейского и Североамериканского) культурно-цивилизационных центров, возникающих в процессе социокультурного освоения природно-географического пространства земли человечеством. С учетом перспектив формирования нового очага Мировой оси культуры и выражения закономерности его перемещений автор приходит к выводу, что следующим культурно-цивилизационным центром будет Российский цивилизационный тип.

ISBN 978-5-39-216883-5

© Филатов А. С.

© Проспект

Содержание

Информация о книге	7
ВВЕДЕНИЕ	8
РАЗДЕЛ I	24
РАЗДЕЛ II	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

А. С. Филатов
Россия и мир
Геополитика в
цивилизационном измерении
Монография

•ПРОСПЕКТ•

ebooks@prospekt.org

Информация о книге

УДК 327

ББК 66.4

Ф51

Филатов А. С.

В работе рассматривается актуальная в современном глобальном мироустройстве проблема геополитического взаимодействия, конкуренции и конфликтов. При этом акцент делается на анализе культурно-цивилизационного влияния на геополитическое форматирование как в условиях современного мира, так и в процессе исторического развития человечества. Именно исследование исторического процесса позволяет сделать вывод о том, что «территория существования социума является не просто природно-географической средой жизни общества, а в результате определенного типа человеческой деятельности становится полем формирования собственного социокультурного пространства для цивилизационной модели».

Автором предлагаются совершенно новые модели рассмотрения геополитических процессов. Для этого автор дает собственные интерпретации уже существующих понятий, таких как «культура», «политика», «геополитика», «цивилизация», и вводит новые – «способ экзистенциального взаимодействия», «источник социального существования», «исторические типы обществ», «мировая ось культуры». В результате выстраивается теоретическая модель перемещения очагов мировой культуры, которая объясняет формирование источников геополитической активности в истории и современности.

В книге на основе социокультурной детерминации образования цивилизационных конструкций и моделей обосновывается формирование на платформе очагов Мировой оси культуры глобально-исторических статусных типов цивилизаций, которые «институционально и нормативно обустроивают окультуренное пространство существования социума». В результате возникает объяснение существования Древнеегипетского, Древнемесопотамского, Древнеиндийского, Древнекитайского, Майя, Северосредиземноморского (Древнегреческого, Древнеримского и Византийского), Евроатлантического (Европейского и Североамериканского) культурно-цивилизационных центров, возникающих в процессе социокультурного освоения природно-географического пространства земли человечеством. С учетом перспектив формирования нового очага Мировой оси культуры и выражения закономерности его перемещений автор приходит к выводу, что следующим культурно-цивилизационным центром будет Российский цивилизационный тип.

УДК 327

ББК 66.4

© Филатов А. С., 2014

© ООО «Проспект», 2014

Моим родителям —

*Сергею Акимовичу и Татьяне Егоровне —
посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

В основе современных геополитических исследований находится анализ культурно-цивилизационных факторов. Объяснение этому состоит в том, что и культура общества, и цивилизационные устои оказывают непосредственное или опосредованное влияние на механизмы формирования политики и геополитики. В условиях глобализации международных процессов проявление культурно-цивилизационных факторов в геополитике становится еще более четким.

США, ведущая страна евро-атлантической цивилизации, строит свою геополитику в мировом пространстве исходя из доктрины распространения собственных цивилизационных ценностей. Такая установка приводит к тому, что сформировавшаяся в Европе и Северной Америке политическая система, идеи и практики провозглашаются эталоном для всего мирового сообщества, а их распространение осуществляется зачастую силовым способом. Исходя из того, что евро-атлантический культурно-цивилизационный фактор в современной геополитике все еще имеет достаточно высокий потенциал, его исследование актуализирует проблематику цивилизационного измерения геополитики.

Не менее актуальным является исследование других культурно-цивилизационных детерминант современных геополитических процессов. Так, ряд авторов отмечают, что китайский цивилизационный ренессанс способен остановить гегемонию евро-атлантической цивилизации. При этом рост политико-экономического влияния Китая в современном мире все исследователи прямо или косвенно связывают с тысячелетними традициями китайской цивилизации.

Ещё более активно обсуждаются перспективы евразийской цивилизации, которые, как правило, рассматриваются сквозь призму геополитических процессов. По прошествии более 20 лет со времени разрушения Советского Союза вопрос о реинтеграции контролировавшегося им пространства отнюдь не закрыт, что в той или иной степени проявляется в деятельности Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Единого экономического пространства (ЕЭП), а в последнее время Таможенного союза и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Это свидетельствует о том, что вместить политическими методами всё постсоветское пространство в структуру Европейского дома не получается. Главным образом, по причине культурно-цивилизационных отличий, которые определяют политическую культуру, способы политической деятельности, политические традиции и основы геополитического взаимодействия.

Традиционно геополитика рассматривается в контексте глобальных географических процессов, в которых проявляется военно-политическая мощь государств. Некоторая корректировка определений геополитики в традиционном понимании с акцентуацией на экономические аспекты, по сути, ничего принципиально не меняет, так как политическая воля государств в этом случае реализуется с опорой не только на военные, но и на экономические ресурсы. Исторически такой подход совершенно оправдан, и его авторы (Ф. Ратцель, Р. Челлен, А. Мэхэн, К. Хаусхофер и др.) внесли существенный вклад в характеристику и объяснение международных процессов. Однако их геополитические концепции в большей степени носили описательный характер, в том в смысле, что описывали политическую конфигурацию государств и их союзов в географическом пространстве. Более того, географические факторы не всё в состоянии объяснить в геополитике. Например, освоение Россией Дальнего Востока и инертность в этом направлении Китая традиционной геополитикой и/или геоэкономикой лишь описывается без глубокого аргументированного обоснования.

В дальнейшем геополитические факторы определялись, в частности, на основе религиозно-конфессиональных отличий, характерных для государственных образований и/или их

союзов. Несмотря на то что так называемый географический или природно-климатический подход к геополитическому форматированию имеет гораздо больше обоснований и более традиционный, нежели религиозно-мировоззренческий, последний начинает преобладать в выстраивании геополитических интерпретаций современных международных процессов. И если у К. Хаусхофера геополитика является «географическим разумом государства», то для С. Хантингтона геополитика определяется через противоборство таких цивилизационных форм, которые наполняются религиозным и культурным содержанием. Такая модель не срабатывает в полной мере хотя бы потому, что ряд государств, несмотря на их религиозную и даже конфессиональную общность, оказываются в различных рамках геополитического форматирования и иногда во враждебных геополитических альянсах.

Определённым способом преодоления недостатков традиционной и новой геополитики с их акцентуацией на географическом, экономическом и религиозном факторах выступают новейшие геополитические концепции, строящиеся на основе геофилософии, которую связывают с именами Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В этом случае акцент делается на многомерное пространство, учитывающее разнообразие культурно-генетических кодов. В новейшей геополитике (синонимами которой являются такие понятия, как «цивилизационная геополитика», «геофилософия», «геокультура», «аналитическая геополитика», «геопсихология» и «информационная геополитика») глобальные политические процессы рассматриваются с помощью пространственной модели имманентной философии, основанной на соотношении территории и земли. В этой дихотомической паре «территория – земля» территория рассматривается как процесс окультуривания земли, а в качестве примера авторы приводят деятельность имперских колонизаторов, которые приходят на пустую землю с целью заново «основывать» территорию [97, с. 113].

Если геофилософия и геокультура выступают в качестве теоретико-методологической базы новейшей геополитики, то информационно-аналитическая геополитика и геопсихология становятся её своеобразными прикладными разделами. Аналитическая геополитика создаёт технологии «захвата» и «защиты» жизненных пространств (цивилизаций, государств и регионов) и достижения геостратегических целей путем создания созидательной или разрушительной рубежной (пограничной) социальной энергетики в обществах, рассматриваемых как объекты и предметы воздействия. Геопсихология изучает управление людьми на подсознательном уровне. Благодаря разработке и применению разнообразных технологий (в том числе манипуляционных) управления крупными социальными группами осуществляется «захват» территории, в том числе во время борьбы за власть (захват электората).

Поэтому очевидно, что представления о современной геополитике и моделях геополитического поведения ведущих мировых держав будут неполными, если мы оставим в стороне культурно-цивилизационные факторы, на них влияющие. Это важно и в связи с отмеченным культурно-цивилизационным разнообразием, которое выдвигает на мировую сцену нескольких значимых геополитических игроков. К их числу, безусловно, следует отнести САС (Североамериканский союз – США и Канада) и Европейский союз, выступающие по поводу важнейших мировых проблем, по сути, совместно Китай, Россию, Бразилию, Индию, некоторые крупные исламские государства. Уже этот перечень позволяет зафиксировать, что каждый из отмеченных геополитических игроков имеет свою культурно-цивилизационную модель, которая фундаментально воздействует на выработку внешнеполитических доктрин.

Именно на культурно-цивилизационных отличиях акцентировал внимание американский исследователь С. Хантингтон, когда в начале 90-х гг. создавал геополитическую картину мира. Следует сказать, что по многим параметрам его геополитическая модель современного мира оказалась не только наиболее востребованной, но и более адекватно отражающей всё многообразие международных отношений и конфликтов современности. В то же время полицивилизационная парадигма С. Хантингтона имеет определённые недостатки в плане, прежде всего

учёта сущностных культурных признаков при классификации современных мировых цивилизаций. В конечном счете это приводит к расплывчатости критериев, по которым он выделяет восемь современных цивилизаций – синская (китайская), японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская и (возможно) африканская. При этом С. Хантингтон в качестве содержания своего критериального подхода рассматривает религиозные отличия. Однако из перечисленных восьми цивилизаций лишь три обозначаются по сугубо религиозным признакам. К тому же остаются непонятными принципы определения критериев в классификации современных мировых цивилизаций С. Хантингтоном. Если это религиозно-конфессиональный, то каким образом латиноамериканская цивилизация (не совсем католическая сейчас) отделена от западной (где присутствует католическая конфессия)? А какой конфессиональный критерий можно положить в качестве признака в африканскую цивилизацию? И почему православная Греция находится в контексте западной цивилизации, как минимум её геополитических структур – НАТО и Европейского союза?

Проблема определения социокультурных доминант (включая религиозно-конфессиональные факторы) в рамках современного научного дискурса остаётся открытой. Исходя из того, что практически все современные цивилизации поликонфессиональны, полирелигиозны и полиэтнокультурны, то процесс формирования цивилизаций необходимо рассматривать в контексте глобальной социокультурной традиции, разворачивающейся на определённой территории. При этом территорию следует рассматривать не только как определённую географическую среду, но прежде всего в качестве глобального пространства, в рамках которого формируется определённый тип человеческой деятельности, безусловно, испытывающий влияние природных условий, но и формирующий их, и, таким образом, формирующий самого себя.

Исходя из проблемы настоящего исследования предметное поле включает прежде всего влияние культурно-цивилизационных факторов на процессы геополитического устройства в мире, в том числе на формирование геополитических центров. Следовательно, геополитика, а точнее, геополитическое устройство входит в предметное поле исследования по причине его производности от определённых культурно-цивилизационных моделей или типов цивилизаций. Тем не менее именно геополитика является отправной точкой исследования и соответственно анализа имеющихся теорий, концепции и авторских подходов по данной теме. С учётом этих определений будет дана оценка степени разработанности проблемы, лежащей в основе исследования.

Сам термин «геополитика», появившийся в конце XIX в. в работах Р. Челлена и концептуально разработанный им в дальнейшем («Государство как форма жизни», 1916 г.), носил по происхождению географический окрас. Р. Челлен использует понятие геополитики в контексте политической географии – научной дисциплины, созданной германским социологом и географом Ф. Ратцелем, которого он считал своим учителем. В концепциях Ф. Ратцеля и Р. Челлена, равно как и в трудах их европейских и американских последователей, геополитические процессы рассматривались в привязке к географической среде.

Фридрих Ратцель, который считается создателем геополитики как дисциплины исследования, формировал свою концепцию в значительной степени под влиянием учения Э. Геккеля о взаимодействии живых организмов и их образований между собой и с окружающей средой, автора термина «экология». Поэтому у Ф. Ратцеля географический фактор, влияющий на развитие человеческого общества, наполняется не столько территориальными, сколько климатическими, демографическими, биологическими признаками среды обитания людей; пространство, в котором существует общество, даёт ему определённую жизненную энергию, при этом само пространство становится естественным продолжением бытия этносоциума. Одно из наиболее сильных воздействий на жизнь народа, его развитие и роль в мировом человеческом сообществе оказывают климатические условия среды обитания людей. Этими условиями

определяются биологические особенности этносов, которые формируют этнические нравы и в целом систему этносоциального поведения.

И уже вследствие таких геобиологических особенностей происходит формирование политической системы общества, включая государство. Следует отметить, что сам Ф. Ратцель предложил иной термин для обозначения своей концепции, давший впоследствии название лежащей на стыке политической науки и географии гибридной дисциплины, – политическая география. Именно в контексте политической географии Ф. Ратцель анализирует существование государства. Ф. Ратцель рассматривает возникновение, развитие и кризис государства через пространство, которое является для данного государства жизненно важным. Причём рост жизненного пространства и соответственно рост государства предполагают рост культуры. Отсюда возникает определённая взаимообусловленная цепочка: рост жизненного пространства – рост государства – рост культуры. Далее следует развитие социально значимых идей, всех сфер общественной жизни, экономический подъём, а основанием всему этому служат геобиологические процессы, которые обусловлены природно-климатическими условиями существования этноса/народа/общества.

Таким образом, Ф. Ратцель рассматривает культуру как производный феномен развития и роста жизненного пространства, а проблемы цивилизации фактически остаются за пределами его исследования.

Рудольф Челлен, так же как и Ф. Ратцель, рассматривал государство как организм, существующий в географическом пространстве. Для Р. Челлена основным предметом исследований стало государство, которое является таким же естественным порождением жизни, как и сам человек. Пространством жизнедеятельности государства, как биологического образования (живого существа), является географическая среда, которая, по мнению Р. Челлена, полностью солидарного в этом вопросе со своим учителем Ф. Ратцелем, есть не просто интегральная часть государственного организма, но и почва (в прямом и переносном смысле) его существования, развития и роста. Именно это, по мнению Р. Челлена, являет собой геополитику и именно этим должна заниматься геополитика как исследовательская дисциплина.

Если Ф. Ратцель в большей степени рассматривал государство в экологическом плане, наряду с любыми другими живыми образованиями (в том числе сообществами, если речь идёт о животных), то Р. Челлен выделяет государство из живого мира, отмечая, что некоторые государственные организмы могут ставить перед собой цели расширения территорий. Отсюда геополитика – это и есть процесс образования за счёт расширения территорий, жизненного пространства сильных государств, образования Империй. Другими словами, по мнению Р. Челлена, геополитика как научная дисциплина призвана изучать процесс образования Империй и мощных конгломератов государств как следствие борьбы за существование этносов и охват ими в результате своей жизнедеятельности новых географических территорий. Выходит, что у Р. Челлена, так же как и у Ф. Ритцеля, геобиологическая мотивация геополитического устройства обнаруживается достаточно чётко и ясно.

Для **Хэлфорда Маккиндера** географический принцип является едва ли не единственным определяющим принципом геополитического устройства в отличие от Ф. Ритцеля и Р. Челлена, которые скорее к биологическому началу, хотя и «замешанному» климатическими условиями, присовокупляли географическое пространство. Хотя необходимо отметить, что сам Х. Маккиндер в своих работах не использовал термин «геополитика», что, безусловно, значительно усиливало географическую направленность его исследований как минимум в его персональных представлениях.

Вся система политического мироустройства, с точки зрения Х. Маккиндера, определяется географическими константами. Однако, как это ни парадоксально может звучать, но в оценке различных периодов мировой истории первой половины XX в. для самого Х. Маккиндера эти географические константы оказываются переменными. Опубликовав в 1904 г. иссле-

дование «Географическая ось истории», Х. Маккиндер вывел географическую константу, в соответствии с которой замок к мировому господству находится в сердце Евразии – огромном пространстве суши, протянувшемся от Русской равнины до Тихого океана, большую часть которой занимает Россия. Для определения этого пространства Х. Маккиндер вводит понятие Хартленда – сердцевидной земли, к которой примыкают внутренний полумесяц или внутренняя дуга из Западной Европы, Аравийского полуострова и Индокитая и внешний полумесяц или периферийная дуга, включающая в себя Америку, Океанию и Африку. Примечательно, что США были размещены Х. Маккиндером на периферии мирового политического пространства, а родная Великобритания вместе с основной своей колонией – Индией – во внутреннем полумесяце, не относящемся к географической территории, которая обеспечивает мировое господство. Вполне логично предположить, исходя из политической и мировоззренческой позиции автора Хартленда, что, уделяя сердцевинной земле Евразии такое значение, он вовсе не питал симпатий к России, как владычицы Хартленда, и даже не в первую очередь руководствовался теорией доминирования теллуократии (владение сушей) над талассократией (владением морями). В большей степени, таким образом, Х. Маккиндер указывал Великобритании и её геополитическим союзникам на необходимость взять под контроль Хартленд, к которому он в ряде случаев добавлял и Германию как сухопутное государство.

Но уже в 1919 г. он вносит существенное уточнение в политико-географическую картину мира, наделяя Восточную Европу способностью открыть замок Хартленда. Х. Маккиндер формулирует в работе «Демократические идеалы и реальность» следующее заключение: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (т. е. Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром». Принципиальность этой корректировки состоит в том, что теперь «сердце мира» смещается к внутреннему полумесяцу, частью которого является Европа, и удаляется от России, ибо в международной политике принято к Восточной Европе относить Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, с конца XX в. сюда добавляют ещё Прибалтийские государства, а также Белоруссию, Украину и Молдавию. Российскую Федерацию в перечень стран Восточной Европы не включают. С некоторыми изменениями (без Белоруссии, Украины и Молдавии) так было и в 1919 г.

Следует отметить, что Х. Маккиндер не приводит каких-либо убедительных посылок, обосновывающих его суждение о «ключе» к Хартленду, – в большей степени политическое значение Восточной Европы в «географической оси» выводится из её (географической) близости к «сердцевинной земле». Такой дискурс служит ещё одним подтверждением ранее озвученного предположения, что Х. Маккиндер строил свою концепцию как своеобразную внешнеполитическую доктрину Великобритании и США, направленную на поиск способа взять под контроль евразийские просторы России. При этом, конечно, нельзя исключать того, что Х. Маккиндер был искренне убеждён в значении Хартленда для мирового господства и уже исходя из этого делал (гео) политические выводы и давал рекомендации в сфере внешней политики.

И, наконец, в 1943 г. Х. Маккиндер внёс ещё более существенные изменения в свою Географическую ось истории – страна внешнего полумесяца – США – уже рассматривается им как другая ось наряду с Хартлендом (Советским Союзом). В этом случае все остальные государства вращаются вокруг не одной оси, а двух. С позиции реальной геополитической ситуации, складывающейся в середине XX в., такой вывод был совершенно корректным. Более того, Х. Маккиндер фактически предсказал становление двухполюсного мира, когда во второй половине XX столетия СССР и США были основными пунктами сбора участников геополитического процесса. А существование международной организации так называемых неприсоединившихся стран лишь подчеркивало эту двухполюсность или двухосность, если точно по Маккиндеру.

Однако с такими уточнениями Географической оси истории у Х. Маккиндера уже не получалось – и по причине появления второй оси (США), и вследствие разрушения модели Хартленд – Внутренний полумесяц – Внешний полумесяц. Относительно концепции Х. Маккиндера можно сказать, что предлагаемые им модели геополитического устройства были дискриптивными, производными от складывающейся международной обстановки и имеющими сугубо географическое выражение. В этих моделях практически не просматриваются культурно-цивилизационные признаки и государств оси, и стран, включённых в полумесяцы. Не иначе как географически можно объяснить включение во внутренний полумесяц и (Западной) Европы, и Аравии, и Индокитая, принципиально различающихся по социокультурным и цивилизационным параметрам.

Нельзя сказать, что американский военно-морской теоретик и историк **Альфред Мэхэн** прямо противоречит Х. Маккиндеру, но средством (единственным с его точки зрения) достижения мирового господства он видит морское могущество. Противоречия не обнаруживаются уже хотя бы потому, что с помощью морского могущества можно победить сухопутные силы и, если соразмерять концепции А. Мэхэна и Х. Маккиндера, овладеть «сердцевинной землёй» – Хартледом. Общее между ними состоит в том, что географический фактор является определяющим для геополитического устройства. У Мэхэна контроль над морским пространством обеспечивает политическое господство как в отдельно взятом геополитическом регионе, так и в мире в целом. Естественно, что эта географическая среда – море – становится фактором господства лишь в случае, если государство приходит в неё (среду) оснащённым соответствующими средствами: военно-морскими силами и торговым флотом.

К тому времени, когда **Карл Хаусхофер** начал заниматься геополитикой (1911 г.), в этой отрасли научного знания сложились представления о существовании двух основных исторических центров силы, формирующихся по географическим признакам – теллуократии и талассократии. При этом некоторые геополитические концепции обосновывали возможность достижения мирового господства мощью суши, земли (теллуократия), а другие – мощью моря (талассократия). К. Хаусхофер принял такую модель геополитики и, не вдаваясь в преимущества власти суши или власти моря, предложил геополитическую доктрину, которая могла быть положена в основу внешней политики континентальных государств Евразии – Германии, России и Японии.

К. Хаусхофер исходил из того, что основанием для межгосударственного союза, создания геополитического блока (вего редакции – *Континентальный блок*) могут быть не культурно-цивилизационные параметры, а географическое положение. Он также считал, что геополитическими партнёрами Континентального блока (Германии, России и Японии) должны стать Италия, Испания и Франция. Ось этого геополитического союза, по мнению К. Хаусхофера, создаётся по линии Берлин – Москва – Токио. Собственно, для К. Хаусхофера Континентальный блок и Ось Берлин – Москва – Токио являются равнозначными понятиями. Следовательно, Италия, Испания и Франция – это некое дополнение Континентального блока, возникающее вследствие их антагонизма морскому владычеству Великобритании и подтягивающихся к ней в начале XX в. Соединённых Штатов.

Главными государствами этого геополитического союза К. Хаусхофер считал Германию и Россию, даже в Континентальном блоке, и соответственно Оси Берлин – Москва – Токио для Японии он отводил роль сугубо требуемого элемента конструкции, необходимого для завершения всей экспозиции. Вторые роли Японии, а тем очевиднее Италии, Испании и Германии в геополитическом союзе К. Хаусхофера и выделение на первых позициях Германии и России как континентальных держав в некоторой мере снимают вопросы – почему островная Япония, морские Испания и Франция (с великими морскими историями) оказались в континентальном союзе, а не морском. Но ещё более это объясняет факт расхождения интересов стран Континентального блока с талассократическим союзом Великобритании и США.

Известно, что геополитическая доктрина К. Хаусхофера в определённой степени использовалась государственным руководством нацистской Германии в период 1933–1940 гг. Существует версия, что Ось Берлин – Москва – Токио не сложилась по причине ксенофобии А. Гитлера и антикоминтерновской позиции Третьего рейха (усилившейся после гражданской войны в Испании) и Японии (мотивированной войной в Китае). По этой версии получается, что Советский Союз был готов создать вместе с Германией Континентальный блок, но Германия разрушила этот проект, начав 22 июня 1941 г. войну с СССР. Не менее вероятной может быть и иная версия, что именно СССР не принял предложение нацистской Германии образовать совместно с самурайской Японией новый геополитический союз – Континентальный блок, как он был выписан в доктрине К. Хаусхофера. Тому было несколько причин: Коммунистическая Россия в 30-х гг. XX столетия, во-первых, уже отказалась от идеи построения Всемирного Союза Советских Социалистических Республик и не прельщалась перспективой нового передела мира совместно с национал-социалистической Германией, во-вторых, советское руководство сохраняло приверженность социалистическим и коммунистическим идеалам, принципам интернационализма, что проявилось в интернациональной помощи Народному фронту Испании в 1936–1939 гг., стремлении защитить Чехословакию от оккупации Германией в 1938 г. (к слову сказать, Интернациональные бригады для военной поддержки Народного фронта в Гражданской войне в Испании формировались при содействии правительств Советского Союза, Франции и Мексики и лояльности правительства США), в-третьих, те же ценности, что и в случае с Испанией, не позволили СССР поддержать японскую агрессию против Китая, а наоборот, располагали Советское правительство к поддержке сначала Гоминьдана Чан Кайши, а затем Коммунистической партии Китая Мао Цзедун, боровшихся против японской интервенции. Всё это привело к тому, что в начале 40-х гг. XX столетия Советский Союз отклонил возможные предложения Германии по созданию Оси Берлин – Москва – Токио.

Рассматривать геополитическую доктрину К. Хаусхофера, направленную против основанного на морской мощи мирового господства Великобритании и США, как концепцию евразийства не представляется возможным уже потому, что сам он свой проект Континентального блока не наполнял смыслами евразийской теории. Более того, К. Хаусхофер Евразию отождествлял с Россией или Советским Союзом. Достаточно сослаться на название его работы – «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония», где под Центральной Европой понимается Германия, а под Евразией – Россия/СССР. Из этого допустимо сделать заключение, что К. Хаусхофер всё-таки принимал во внимание культурно-цивилизационные отличия между Германией и Россией, хотя и не исследовал в работах влияние культурно-цивилизационных факторов на геополитическое форматирование.

Николас Дж. Спайкмен в статьях и книгах фактически адаптировал идею Хартленда Маккиндера к внешнеполитическим/геополитическим интересам США. Наряду с Хартлендом, отмечал Н. Спайкмен, существует Римленд (дуговая земля), которая окружает Хартленд с запада, юга и юго-востока. Именно управление Римлендом даёт возможность контролировать Хартленд или Евразию, имеющую геостратегическое значение по причине наличия там богатейших природных ресурсов и содержащейся в её просторах гигантской социальной энергии, не позволяющей кому-либо управлять миром. Потому, если США намерены взять на себя функции по управлению миропорядком, то они должны добиться управления Римлендом и благодаря этому взять под контроль Хартленд.

По сути, Римленд Н. Спайкмена стал дополнением, конкретизацией и развитием Хартленда Маккиндера. Причём Римленд весьма схож по географическому расположению с внутренним полумесяцем Маккиндера. Потому говорить о какой-либо альтернативе концепции Спайкмена концепции Маккиндера вряд ли возможно, да и нецелесообразно.

Н. Спайкмен выступил в рамках своей концепции также автором так называемой политики сдерживания, когда управление Римлендом было призвано сдерживать любые геополитические

литические агрессии, исходящие от Евразии. Насколько такие заключения соответствовали действительности, это уже другая проблема, в данном случае лежащая за границами нашего исследования.

Вслед за Х. Маккиндером, А. Мэхэном и К. Хаусхофером, Н. Спайкмен считал географический фактор важнейшим в политике государства, влияющим в конечном счете, на геополитический статус страны. Но географический фактор вовсе не означает, что государство становится заложником своего географического положения и должно довольствоваться тем, что определила ей историческая судьба. Примеры небольшой островной Великобритании, ещё меньшей Португалии, достигавших мирового господства, свидетельствуют о возможности эффективного использования географического фактора при наличии политической воли. По мнению Н. Спайкмена, США в 30-е гг. XX в. не уделяли должного внимания географическому фактору и не могли влиять на мировую политику. Определение значения Римленда было призвано исправить эту ситуацию.

Геополитические концепции авторов второй половины XX в. уже не строятся на сугубо географическом факторе. География государства теперь не рассматривается в качестве основного источника геополитики, рассматриваются и другие условия.

Одним из таких авторов является французский географ и геополитик **Ив Лакост**. В концепции он отводит географическому пространству роль пассивной среды, в границах которой осуществляют свою деятельность политические институты, в том числе государство. В результате такой деятельности государство преобразует пространство и создаёт необходимые условия, которые и являются, собственно говоря, геополитикой. И. Лакост считает, что не географическая среда задаёт границы политике, а политика определяет географическое пространство её субъектов. Сложно сказать, что тут оригинального, с учётом того, что И. Лакост позиционирует себя вне или даже – над континенталистской (теллурократической) парадигмой и моделью морской мощи (талассократической) в политологии. Разве что у Ф. Ратцеля можно найти определения существенного значения и первоочередной роли географической среды и климатических условий (да ещё у Э. Хантингтона¹, которого вряд ли целесообразно относить к геополитикам). Но уже у Р. Челлена географическая среда и климат не даются в качестве определяющих в жизни государства, не говоря о концепциях К. Хаусхофера, А. Мэхэна и Н. Спайкмена. По сути, И. Лакост оперирует теми же элементами, что и его предшественники – географическими условиями и разворачивающимися в их рамках политическими действиями. Акцентуация политических действий в концепции Лакоста объясняется тем, что он пытается встроить геополитику в локальную (но всё же – географическую) среду. И тогда разница обнаруживается в том, что традиционная геополитика (надо сказать, адекватная смыслу самого термина) видит географический фактор в воздействии глобальных пространств на политику государств, а так называемая новая геополитика, в данном случае в лице И. Лакоста, стремится внедрить геополитический инструментарий в локальные границы, в пространство регионов. Для этого И. Лакостом вводится новый термин «внутренняя геополитика». Однако ни он сам, ни кто-либо другой вряд ли смогут объяснить, чем «внутренняя геополитика» отличается от региональной или внутригосударственной политики.

Заслугой **Сэмюэла Хантингтона** является то, что он не остановился на сугубо дескриптивном методе в характеристике геополитического устройства современного мира, что было характерно для классической геополитики, а предпринял попытку объяснить геополитические интересы и геополитическую расстановку в мире культурно-цивилизационными системами ценностей, объединяющих различные этнические образования в цивилизационные блоки.

Пожалуй, впервые именно у С. Хантингтона географическая среда становится не более чем пространством реализации, с помощью политических методов и способов, цивилизационных интересов государств и их союзов. Ретушируя влияние природной среды, воплощаемой в географическом пространстве, на культуру (во всех сферах её проявления – от материаль-

ной до духовной) и цивилизацию, не говоря уже о дихотомии природа – (человеческая) деятельность, С. Хантингтон «выплеснул младенца вместе с водой». От «сциллы» географического детерминизма он оттолкнулся к «харибде» религиозно-политической зависимости типов цивилизаций.

Очевидной ошибкой С. Хантингтона стало выведение культурно-цивилизационных формирований из специфики конфессионально-мировоззренческих систем. Тогда в одном формировании (конфессиональной цивилизации по С. Хантингтону) оказываются этнические сообщества, находящиеся на самом деле в различных культурно-цивилизационных образованиях. Например, монголы, как буддисты, оказались в одной конфессиональной цивилизации с тайцами, лаосцами, кампучийцами и бирманцами. Причём это монголы из Республики Монголия, а вот монголы, также буддисты, из Автономного района Китайской Народной Республики Внутренняя Монголия отнесены С. Хантингтоном к Синской (Китайской) цивилизации.

Следствием ошибки С. Хантингтона выбора критериев культурно-цивилизационной дифференциации стало неверное представление геополитического устройства. Это проявляется в том, как пример, что мусульманские страны разделились по разным геополитическим блокам. Геополитическое позиционирование православных стран также не вкладывается в схему, предложенную С. Хантингтоном.

Весьма своеобразно интерпретировал идеи С. Хантингтона о столкновении цивилизаций современный французский геополитик **Эмерик Шопрад**. Во-первых, он разорвал Западную цивилизацию, выделив Европейскую континентальную цивилизацию. Во-вторых, для Европы основным противником, если не врагом, являются США и их стратегический союзник Великобритания. В-третьих, свой европоцентризм Э. Шопрад наполняет евразийским содержанием, по которому континентальная Европа может быть объединена вокруг России и во главе России с тем, чтобы отстаивать общие интересы (Европы и России) от посягательств со стороны США. В-четвёртых, естественными союзниками Европы и России выступает Исламская цивилизация, которая культурно близка Европейской цивилизации.

Ближе к тексту оригинала Э. Шопрад воспроизводит позиции и оценки геополитического устройства Х. Маккиндера и К. Хаусхофера. Примечательно, что на Х. Маккиндера даются прямые ссылки, а К. Хаусхофера даёт контекстуально (см.: 421). В сочетании получается ретрансляция идеи Хартленда и континентализма с тем уточнением, что в континентализме Шопрада остаётся базовой страной одна Россия, а Германия выступает одним из элементов.

В силу такой эклектической конструкции Э. Шопрада все вопросы по поводу источников, факторов и обусловленности геополитического устройства должны быть адресованы не ему, а тем, чьи концепции были им использованы, – С. Хантингтону, Х. Маккиндеру и К. Хаусхоферу. Что и было нами сделано ранее.

Так сложилось, что авторов, концепции которых были рассмотрены ранее, принято относить к основоположникам как геополитики в целом, так и геополитических направлений. В частности, германского социального географа Ф. Ратцеля называют основателем геополитики, описавшим влияние географической среды на политическую жизнь государства в своём фундаментальном труде «Политическая география» (1897 г.). Его последователь шведский социолог Р. Челлен, разрабатывая концепцию, предложенную Ф. Ратцелем, ввёл в научный оборот сам термин «геополитика» (1916 г.). К категории классиков геополитики наряду с ними, принято относить британского географа и политика, автора теории Географической оси истории и учения о Хартленде (1904 г.) Х. Маккиндера, американского военно-морского историка, разработавшего концепцию «морской силы/ мощи» (1890 г.), А. Мэхэна, германского социального географа, основателя Германского института геополитики (1922 г.) К. Хаусхофера, американского историка, автора теории Римленда (1942, 1944 гг.) Н. Дж. Спайкмена.

Однако гораздо раньше этих авторов проблемы реализации культурно-цивилизационных и государственных интересов в глобальных пространствах были подняты и разработаны в обществоведческой науке России. Не умаляя заслуг западных авторов, которые всё-таки первыми разрабатывали само понятие геополитики (Р. Челлен, К. Хаусхофер), следует отметить, что отечественная научная традиция в этой области сформировала теории, которые и содержательно, и по времени стали первыми в изучении целого спектра вопросов, отнесённых впоследствии к геополитике. Особое место в этом процессе принадлежит Н. Я. Данилевскому, изложившему свою теорию культурно-исторических типов в 1868 г. в книге «Россия и Европа».

Ни у кого не возникает вопросов, когда применительно к имени **Николая Яковлевича Данилевского** используются эпитеты «выдающийся русский ученый» или «крупнейший российский социолог». Но чем больше и глубже мы знакомимся с научным наследием Н. Я. Данилевского, тем весомее основания считать его философом, социологом и геополитиком с мировым именем.

Н. Я. Данилевский был одним из тех российских ученых XIX в., которым по праву принадлежит приоритет в целом ряде социальных открытий и кто со всей очевидностью продемонстрировал вселенский охват русской мысли. Сейчас вряд ли может быть подвержено сомнению, что идеи Данилевского о цикличности развития определенных культурно-исторических типов были положены в основание известных социально-философских и социологических концепций О. Шпенглера и А. Тойнби.

Социально-философские и социально-политические взгляды Данилевского формировались в условиях острой, зачастую непримиримой идеологической борьбы. В этом плане выделялись два направления, получившие название «славянофилы» и «западники». Зачастую теорию Данилевского относят к традиции «славянофильства», тем самым ретушируя ее содержательную часть в угоду формы выражения. Но все-таки правильнее будет обратиться к сути работ российского философа и социолога, с тем чтобы увидеть и осознать их значение и актуальность для исследования общества в XX столетии и в настоящее время.

Наиболее важными положениями концепции Данилевского являются:

- определения культурно-исторического типа;
- идея славянства как исторически сложившейся социокультурной общности;
- и принцип Православия, объединяющий славянские племена.

Культурно-исторический тип означает, по сути, цивилизацию, которая может быть организована на основе определенных исторических традиций и культурных достижений. Производство культуры, отмечал русский учёный, во многом зависит от социогенетических способностей этнических объединений. Н. Я. Данилевский первым отметил взаимосвязь и взаимовлияние культуры общества, с одной стороны, и организации его учреждений – с другой. При этом он наглядно показал и аргументированно обосновал принципиальные отличия существовавших и существующих культурно-исторических типов, например России и Европы. Говоря о Европе как особом культурно-историческом типе, Данилевский фиксирует такие типологические признаки, которые характерны для всех европейских стран и которые свидетельствуют о потенциальной объединительной тенденции в этом геополитическом регионе. Таким образом, его концепция обосновывает не только славянскую идентичность, но и европейскую консолидацию. И применительно к последней выполняет прогностические функции, что доказывают современные процессы европейской интеграции. В этом случае Европа, не меньше чем Россия, обязана Н. Я. Данилевскому.

Идея славянской солидарности строилась на базе культурно-исторической типологии и потому не была декларативной. Она также была обоснована социально-исторической реальностью и как специфическая гипотеза полностью соответствовала характеру социально-философского исследования, предпринятого Н. Я. Данилевским. Южнославянские страны освобождались Россией от турецкого порабощения; некоторые ростки возрождения

традиционной славянской культуры обнаруживали себя и в среде западных славян, которые находились под активным воздействием ассимиляционной культуртрегерской политики Европейской цивилизации. Вследствие этого у Данилевского были все основания предполагать, что окончательное освобождение Славянского мира (физическое – у южных славян и духовное – у западных) позволит осуществить формирование славянского культурно-исторического типа, славянской цивилизации и единого славянского государства.

Православие для Данилевского было незыблемым компонентом Славянской цивилизации. Безусловно, что такая позиция во многом определялась тем, что сам Николай Яковлевич был глубоко верующим человеком. Но не только этим. В России Православие было религией абсолютного большинства населения, и это была государственная религия. Введенный императором Петром I для управления религиозной жизнью Синод институционально и идеологически находился под покровительством Православной Церкви. Большинство южных славян также были православными. Западные славяне исповедовали католическое вероучение, но у Данилевского была надежда, что духовное освобождение приведет их в лоно Православия, как вероучения, сохранившего каноны первоначального Христианства.

Анализ концепции Н. Я. Данилевского позволяет сделать однозначный вывод о том, что она в целом и ее основные положения в частности являются логически выверенными, внутренне непротиворечивыми и адекватными социально-исторической реальности второй половины XIX в. Более того, его выводы не потеряли со временем своей значимости в исследовании разнообразных социальных процессов и по ряду важнейших параметров выступают в качестве методологического основания в познании современного общества, сохраняют операциональную привлекательность для разработки геополитических технологий.

В то же время концепция Н. Я. Данилевского может служить базисом для формирования новых геополитических моделей, включающих в себя такие признаки современной жизни, которые стали проявляться лишь в последние десятилетия.

Исходя из самого определения Н. Я. Данилевским культурно-исторического типа возникает вывод о том, что тип цивилизации формируется на основе специфических социокультурных качеств, характерных для особого общественного объединения. Такое объединение, как правило, предполагает общую территорию, в рамках которой устанавливаются связи и взаимодействие всех элементов культуры – экономических, политических, моральных, языковых, научных, идеологических, религиозных. В конечном счете развитие взаимодействия приводит к тому, что осуществляется формирование целостной социокультурной системы, которая вырабатывает общие правила, нормы и стандарты для всех включенных в нее элементов. Выработка в этой системе единой парадигмы социального бытия и принципов социальной организации обеспечивает образование особого цивилизационного устройства. В итоге социокультурная система выражает себя в форме цивилизации. Это заключение видится особо значимым для исследования геополитического устройства, и потому **теория культурно-исторических типов Данилевского представляется базовой для нашей темы, в отличие от других геополитических концепций.**

Н. Я. Данилевский был не одинок, его окружала плеяда русских гениев, персонифицирующих эпоху в развитии человеческой мысли, сравнимую с эпохами античной философии, христианской философии Средневековья, философии Нового времени и германской философии XVIII–XIX вв. Потому тем значимее вклад Н. Я. Данилевского в развитие обществоведческой науки, что он был в окружении таких корифеев, как И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Н. К. Михайловский, К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, отец П. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и многие другие. К сожалению, некоторые из их открытий все еще мало знакомы не только международной, но и отечественной ученой среде. На примере геополитики это достаточно очевидно прослеживается.

Социологическая, а по сути, геополитическая концепция **Льва Ивановича Мечникова** достойна того, чтобы быть включенной в анналы мировой социологии и геополитики. Тем более что главный труд «Цивилизация и великие исторические реки» им был издан в 1889 г.

Исследуя взаимодействие природы и общества, Л. И. Мечников приходит к заключению, что не только природно-географическая среда оказывает влияние на человека, но в большей степени она сама претерпевает изменения от реализации деятельностных способностей людей. Да и само влияние окружающей среды на человека опосредовано образованием социальной кооперации и солидарностью, характерных уже для первобытных обществ. Поэтому то, что пишет Л. И. Мечников, далеко от трактовки «географического детерминизма» целым рядом философских критиков как тотальной зависимости общества от географического фактора.

К числу безусловных достижений Л. И. Мечникова, делающих его крупнейшим социологом XIX в., следует отнести:

- разработку принципов взаимодействия природы и общества с учетом решающего фактора социальной деятельности в изменениях естественно-природной среды и совершенствовании общественной системы. «По моему мнению, – пишет Л. И. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки», – причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в тех соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» (цит. по 318, с. 93). В этом направлении наш соотечественник пошёл гораздо дальше Ш. Монтескье, Г. Бокля и К. Риттера, «которые ограничивались признанием влияния природы на человека» (см.: 318, с. 87–97);

- обоснование необходимости учитывать при характеристике исторического развития общества исходящий от человека сознательно-деятельностный фактор. Тем самым устраняется опасность чрезмерной объективизации (на грани социального фатализма), возникающей на основе определяющего действия эволюционно-биологического механизма общественного развития, как у Г. Спенсера. Поэтому социально-философская концепция Л. И. Мечникова глубже по своему содержанию, чем социология Г. Спенсера;

- введение и использование понятия «солидарность» для обозначения сугубо человеческого качества в противовес животной борьбе за существование. Солидарность обеспечивает сохранность человеческого общества, а также служит гарантом и показателем социального прогресса. Здесь Л. И. Мечников раньше одного из классиков социологии Э. Дюркгейма сформулировал значение принципа солидарности для общества, показав его характерные черты.

Эти социологические открытия Л. И. Менделеева имеют непосредственное отношение к определению источников геополитического устройства, так как указывают на социокультурные детерминанты формирования цивилизационных образований, участвующих в процессе распределения глобальных географических пространств, т. е. в геополитических отношениях.

Что касается собственно геополитических концепций, которые начали создаваться в конце XIX – начале XX в., то Л. И. Мечников раньше Ф. Ритцеля представил научному сообществу и публике исследование, анализирующее влияние географической (природно-климатической) среды на формирование общества, развитие его культуры, становление цивилизационных типов и внешнюю политическую (геополитическую) активность государств.

Творчество русского геополитика начала XX века **Алексея Ефимовича Едрихина** (публиковавшего свои работы под псевдонимом **Вандам**) являет собой ещё один пример глубины осмысления проблем мироустройства, прежде всего на Евразийском континенте, и, с другой стороны, величайшей несправедливости в его оценке современниками и потомками. В августе 1912 г. А. Е. Вандам пишет книгу «Геополитика и геостратегия», в которой обосновывает теорию континентализма, где показывает необходимость установления союзнических отношений между ведущими государствами Евразийского континента – Францией, Германией и Россией, противостоящих англосаксонскому гегемонизму. Выходит, что военно-политиче-

ская доктрина Континентального блока К. Хаусхофера, обнародованная им в конце 30-х гг. прошлого века, лишь ретранслировала спустя почти 30 лет идеи А. Е. Вандама. Всё это вполне допустимо, но ни у самого К. Хаусхофера, ни у историков геополитики мы не находим ссылок на А. Е. Вандама.

Вслед за Н. Я. Данилевским геополитическое форматирование и устройство в зависимости от культурно-цивилизационных особенностей государств – участников процесса стали темой исследования для философско-политической школы Евразийства. В российской общественно-научной мысли XIX в. вопросы культурно-цивилизационного своеобразия и идентичности интенсивно изучались в рамках двух основных школ – Славянофилов и Западников. Однако сами школы не озадачивались проблемами влияния и определения геополитических процессов культурно-цивилизационными конструкциями. К тому же, даже когда Славянофильство выходило на осмысление геополитических процессов в контексте цивилизационного своеобразия, в лице Н. Я. Данилевского прежде всего оно не рассматривало Россию как цивилизационный тип и на основе этого участницу геополитических отношений.

Пожалуй, ближе всего к концепции Российской цивилизации, как цивилизации особого типа, подошли представители Евразийства, предшественником которых можно считать К. Н. Леонтьева, видевшего будущее России в союзе со странами Востока, а не с европеизированными политическими режимами западных славян – чехов, словенцев, хорватов и т. п. В работах Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, П. П. Сувчинского, позднее Л. Н. Гумилева обосновывается особый культурно-исторический тип России, обозначаемой термином «Евразия». При этом они акцентируют внимание на связи ее с азиатско-тюркским миром и противопоставляют Европейской или Западной цивилизации. В этом случае понятия «Российская цивилизация» и «Евразийская цивилизация» являются тождественными. Такой подход содержит, собственно говоря, основной недостаток теории Евразийства, когда его авторы уходят от определений Русской/Российской цивилизации, замещая их описанием и характеристикой этнокультурного симбиоза, формирующегося на обширных пространствах между Европейской и Восточными (Китайской и Индийской) цивилизациями. Что ведет к представлениям об эклектичном характере Евразийской цивилизации, ее неустойчивости, а главное – прячет сам стержень Российской цивилизации, каковым является русская культура и Русское Православие.

Что касается геополитики, то из всех евразийцев её проблемами занимался в полной мере **Пётр Николаевич Савицкий**. Его главной темой исследований были культура и геополитическое своеобразие России, которая отождествлялась с понятием Евразии и представляла третий континент наряду с Европой и Азией. Выделение П. Н. Савицким России в третий континент в пределах Евразийского материка происходило на основе географического и исторического понимания. При этом им чётко различались культурно-исторические содержания (здесь явно обнаруживается наследие Н. Я. Данилевского) миров «Европы», «Азии» и «Евразии» (России).

Близость позиции П. Н. Савицкого к теории Н. Я. Данилевского состоит в том, что он также рассматривает русскую культуру в качестве детерминанта своеобразия цивилизации и её геополитического положения, с той разницей, что у Данилевского это Славянский культурно-исторический тип (цивилизация), то у Савицкого – Евразийская цивилизация. Более серьёзные различия между ними проявляются в том, что Н. Я. Данилевский фактически не уделяет внимание географическому фактору становления и развития Славянской цивилизации, равно как и Европейской, а П. Н. Савицкий своеобразие России или Евразии (что для него является тождественным) видит во многом вследствие специфики её географической среды.

Но, пожалуй, наиболее существенным есть то, что Славянский культурно-исторический тип Данилевского представлен как целостный, обусловленный едиными разрядами культурной деятельности («четырёхосновной», по определению самого Н. Я. Данилевского). Причём для

Данилевского Славянство также должно сводиться к России, как к ней свелась Малороссия в середине XVII в., долго разделённая со всей Россией. Следовательно, Славянская цивилизация Данилевского означает, по сути, Российскую или Русскую цивилизацию. Потому сравнивая определения цивилизаций Данилевского и Савицкого, мы можем применять их к России.

П. Н. Савицкий как и в целом Евразийство не приняли славянскую основу Российской цивилизации, в общем-то справедливо полагая, что туранские племена России ближе к русской культуре, нежели западные славяне – чехи, поляки, словенцы и хорваты. Но Российская цивилизация у Савицкого и определяющая её русская культура получились достаточно эклектичными, образованными вследствие механического соединения в рамках Евразии разных культурно-цивилизационных традиций – Византийской (исходящей от Эллинистической), Монголо-ордынской (или Степной, Восточной) и Европейской (Западной). В результате Россия выглядит как такой культурно-цивилизационный конгломерат, который был скреплён пространством Евразии и удерживается почвой русской культуры, сохраняющей устои ещё довизантийского периода, но всё более пропитываемой евразийскими ценностями.

Современный российский геополитик **Вадим Леонидович Цымбурский** считает, что концепция Евразийства Савицкого не даёт объяснение природы геополитического статуса и роли России в мировых геополитических процессах. Считая, что П. Н. Савицкий в своей евразийской концепции создал версию концепции Хартленда Маккиндера, В. Л. Цымбурский, понимая «сердцевину суши» (Heartland) как пространство степей и пустынь с лесным северным пограничьем, констатирует, что ни та ни другая не помогают охарактеризовать и оценить положение России, в каком она оказалась после 1991 г., утратив степной Казахстан, лесную Беларусь и лесостепную Украину. Для того чтобы объяснить это положение, он вводит термин «Остров Россия», принимая в качестве базового состояния территорию допетровской России XVII в. Другими словами, матрица России, надо полагать в культурно-цивилизационном плане (В. Л. Цымбурский использует термин «этноцивилизационная платформа»), оказывается значительно ограниченной в географическом пространстве по сравнению с Хартлендом Маккиндера и тем более Евразией Савицкого. Сам В. Л. Цымбурский это ограничение передаёт вполне ясным определением – «остров (Россия) в «сердцевине суши». Таким образом, историческая Россия или Русь оказывается отрезанной от своих социогенетических культурно-исторических корней на западе и юго-западе – Малой Руси, Белой Руси, Червонной Руси, Чёрной Руси и других территорий, входивших в состав Древней Руси и, главное, своим этнокультурным потенциалом непосредственно участвовавших в формировании русской культуры.

Эти территории, равно как Прибалтика, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия, В. Л. Цымбурский обозначил термином «Великий Лимитроф», который, по его представлениям, отделяет «Остров Россия» и от Европейской, и от Азиатской (Китайской и Индийской) этноцивилизационных платформ. На западе «Острова Россия» «территории-проливы» дистанцируют его от собственно Европы, на востоке и юге к «Великому Лимитрофу» от России примыкает «Великий Лимитроф» от Китая в пространстве Синьцзяна (Уйгурии), (Внутренней) Монголии и Манчжурии. Если в культурно-цивилизационном контексте с отведением Прибалтики, Закавказью, Казахстану и Средней Азии статуса «Великого Лимитрофа» ещё как-то можно, не соглашаясь, относиться с пониманием природы таковых утверждений, то причисление Украины и Белоруссии к «великолимитрофным» территориям от «Острова Россия» не имеет каких-либо аргументированных обоснований кроме констатации политического факта Беловежских соглашений. Однако политические события в географическом пространстве и культурно-цивилизационное содержание этого пространства вещи хотя и совместимые во времени, но принципиально различные в своих сущностных характеристиках.

В то же время следует признать, что В. Л. Цымбурский разрешает это культурно-цивилизационное противоречие при описании им статуса «Острова Россия» в общем-то, неоригинальным, но со своей внутренней логикой, способом. Он время основания «Острова Россия»

относит к середине XVI в. – периоду освоения Сибири, исключая не только Новгородско-Киевский период IX–XIII вв., но и Владимирско-Раннемосковский XIII–XVI столетий. Этим заключением В. Л. Цымбурский пытается не просто развести понятия Руси и России, но и противопоставить их как исторические феномены, превратить в различные социокультурные системы и отдельные этносоциальные организмы. Неоригинальным данный подход является потому, что фактически воспроизводит, но в иной более мягкой редакции, околонучные сочинения польского этнографа (не этнолога) Францишека Духинского, сочинившего рассказ о нерусских (т. е. не от Руси) «москалях» как туранском племени.

Так же как В. Л. Цымбурский, другой русский геополитик **Владимир Александрович Дергачёв** рассматривает геополитические процессы в контексте имперского развития – возникновения, существования и взаимодействия с окружающим пространством, в том числе внешними сопредельными странами, мировых Империй. Имперская геополитика у В. А. Дергачёва самым непосредственным образом связана с цивилизационными типами, лежащими в основе Империй. Собственно, такая связь приводит к тому, что геополитика, цивилизационная геополитика или геофилософия проистекает, по сути, от культурных основ, можно даже уточнить – духовно-культурных, определяющих в том числе социальный менталитет общества, формирующего цивилизацию и государство, выступающих в качестве субъектов, активных акторов геополитических процессов и отношений.

В то же время В. А. Дергачёв не рассматривает проблему параметров и состояния культурно-цивилизационных типов и определения этими типами субъектов геополитической активности. В результате евразийская Россия у него становится тождественной Российской Федерации в её нынешних границах, что фактически соответствует подходу В. Л. Цымбурского. А Украина и Белоруссия объявляются «посредниками цивилизационного диалога между европейскими регионами» (см.: 101). Тогда возникает вопрос: если Россия, представляемая В. А. Дергачёвым как Российская Федерация, выстраивает цивилизационный диалог с другим европейским регионом, в образе Германии, и все они, следовательно, являются европейскими регионами, кем тогда являются Украина и Белоруссия? Если «евразийская» Российская Федерация представляет собой одну сторону цивилизационного диалога, значит – цивилизацию, а Германия – другую, то какие цивилизационные формы представляют Украина и Белоруссия? В случае отнесения «евразийской» Российской Федерации вместе с Германией к европейским регионам опять же непонятен цивилизационный статус

Украины и Белоруссии. Видимо, подобного рода вопросы как раз связаны с тем, что не определены культурно-цивилизационные детерминанты геополитических образований и территорий, которые к ним примыкают, в данном случае Украины и Белоруссии.

В результате анализа основных авторских концепций в области геополитики (не выделяя из её состава геоэкономику и геофилософию) следует отметить, что проблемы глобального мироустройства становятся актуальными во второй половине XIX в. С самого начала исследования этих проблем вне зависимости от того, носили исследование статус геополитических или нет, обозначились два основных подхода к их описанию, представлению и разрешению – культурно-цивилизационный и политико-географический. Первым и, пожалуй, самым ярким представителем цивилизационного подхода в исследовании проблем глобального мироустройства (геополитических проблем) был российский учёный Н. Я. Данилевский. Политико-географический подход в целом стал доминирующим в евроамериканской геополитике, который изначально был выражен А. Мэхэном, Ф. Ратцелем и Р. Челленом. В XX в., во второй половине и ближе к его завершению, как следствие развития отмеченных подходов получили развитие трансформационные варианты геополитики – связанная с политико-географическим подходом геоэкономика и строящаяся прежде всего на культурных и цивилизационных концептах геофилософия.

Выделенные подходы, безусловно, не являются взаимоисключающими, и каждый несёт в себе частички другого, используются общие методы и учитываются близкие факторы. Поэтому каждая из рассмотренных геополитических концепций имеет глубокое содержательное значение, позволяющее с их учётом и в известной степени на их основе предлагать иные варианты рассмотрения геополитических процессов, определять отличные от имеющихся источники геополитического устройства мира. Что, собственно говоря, является предметом настоящего исследования.

РАЗДЕЛ I

Культурно-цивилизационное строительство в природно-географической среде

1.1. Геополитика как политика в глобальных пространствах

Определение понятия «геополитика» изначально было связано с исследованиями шведского учёного Р. Челлена, который в работе «Государство как форма жизни» даёт следующее определение: «Геополитика есть учение о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве: как о земле, территории, области или, что более содержательно, о территориальной форме власти, царстве (rike)» (410, с. 124). В определениях геополитики Р. Челлен основывался на трудах германского географа Ф. Ратцеля, который исследовал влияние географических пространств на государства, реанимировав термин «политическая география», введённый в научный оборот французским экономистом Р. Тюрго ещё в середине XVIII в. То, что у Ф. Ратцеля было политической географией у Р. Челлена, который считал Ф. Ратцеля своим учителем, стало геополитикой. В таком же русле понимали геополитику многие другие учёные: А. Мэхэн, Х. Маккиндер (не использовавшие этот термин) и К. Хаусхофер (уже применявший понятие «геополитика» и даже создавший Германский институт геополитики). По сути, принципиальных изменений в трактовку геополитики через географические пространства не внесли ни новая геополитика – геоэкономика, ни новейшая – геофилософия. Если традиционная геополитика акцент делала на военно-политической мощи государств в глобальных пространствах, то геоэкономика конкретизировала политическую мощь экономическими факторами, а геофилософия обосновывает политическое могущество багажом культуры, используемым для освоения пространства.

Иной подход к исследованию политики государств в масштабах глобальных географических пространств использовали Н. Я. Данилевский и П. Н. Савицкий, как и другие представители евразийства в целом. У них военно-политическая и экономическая мощь государства, равно как и культурные ресурсы, определяются культурно-историческим типом и цивилизацией, к которым государство (либо союз государств) относится. В этом случае способность осваивать географические пространства, методы освоения либо способы и формы существования на глобальных территориях зависит и определяется культурно-историческим типом и цивилизацией. Этим же определяются и отношения с другими культурно-историческими типами и цивилизациями.

Казалось бы, при принципиально различных подходах к определению детерминант и факторов политики государств в масштабах глобальных пространств географическая и культурно-цивилизационная школы в геополитике имеют многие точки соприкосновения, которые не разводят их на альтернативные позиции, а объединяют в общем исследовательском поле. Поэтому целесообразно рассмотреть это общее основание на примере концепций Н. Я. Данилевского, по сути, первого геополитика и основоположника цивилизационной теории, и Р. Челлена, обосновавшего предметность новой политико-географической дисциплины – геополитики, с целью обнаружить у них объединяющие элементы. В общем, нам необходимо выявить в текстах Н. Я. Данилевского географический фактор в геополитике, а в текстах Р. Челлена – признание культурного и цивилизационного факторов. Безусловно, трактовка этих факторов у них будет отличаться, что, собственно, закономерно исходя из базовых установок исследования проблемы каждым из авторов.

В главе четвёртой книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский отмечает, что «деление на части света есть деление искусственное, что единственный критерий его составляет проти-

воположность между сушей и морем, не объемлющая собою всех других различий, представляемых физической природой (различий топографических, климатических, ботанических, зоологических, этнографических и пр.), критерий, не обращающий даже на них внимания, что по одному этому уже, следовательно, части света не представляют и не могут представлять свойств, которые одну из них ставили бы в противоположность другой, что выражения: европейский, азиатский, африканский тип суть только метафоры, которыми мы приписываем целому свойства его части» (95, с. 71–72). Из этого утверждения следует вывод о том, что Н. Я. Данилевский отмечает, что не только и не столько части света, как пространства суши, необходимо учитывать при характеристиках культурно-цивилизационных различий, но и другие природно-географические особенности – топографические, климатические, ботанические, зоологические, этнографические.

Один из создателей идеологической концепции евразийства П. Н. Савицкий, считавший себя наследником Н. Я. Данилевского и развивавший его теорию культурно-исторических (цивилизационных) типов, также, по сути, соединяет цивилизационный и территориально-географический подходы, рассуждая об «ощущении моря», свойственного для Европейской цивилизации, и «ощущении континента», характерного для цивилизации Евразийской (Российской) (см.: 302). При этом источники и основания культурно-исторического типа России он стремился понять, анализируя специфику её пространственно-географического положения, как части особого «краинно-приморского мира».

Р. Челлен в работе «Государство как форма жизни», отмечая первостепенное значение земли, территории для существования государства, тем более государства, претендующего на мировое доминирование, в то же время фактически определяет большое значение для укрепления государства таких факторов, как совершенствование культуры (в том числе хозяйственной) и развитие цивилизации. Этот момент в исследованиях Р. Челлена является очень важным для нас, он подтверждает предложенную трактовку взаимопроникновения природно-географического и культурно-цивилизационных факторов в теориях геополитики. Потому есть смысл процитировать выводы Р. Челлена более объёмно и предметно: «Каждый, кто обращался к эпохе античности, не мог не заметить, что в те времена государства обычно носили имена своих столиц. Знакомясь с античной историей, мы следим за судьбой Афин, Спарты, Фив, наблюдаем борьбу Рима с Карфагеном, видим, как Рим разрастается до размеров огромного культурного сообщества, оставаясь по-прежнему Римом. Когда же вместо этих названий мы сегодня употребляем слова «Греция» и «Италия», то тем самым искажаем действительность. Античные государства являлись городами-государствами, и подобно тому, как это бывает, скажем, у деревни, их территория, по сути, уводилась к городской округе. Только в пределах городской черты кипела государственная жизнь, а потому территориальный аспект лишь косвенно учитывался при определении самого государства. То есть данный территориальный тип государства представлял собой город с округом...

Западноевропейское средневековье принесло с собой новый (территориальный) тип (государства), прямо противоположный античному. Понятие государства полностью растворилось в понятии территории (terra). При этом господство натурального хозяйства и плохое состояние дорог вызвали к жизни феномен кочующего двора с королем, живущим за счет своих владений и не имеющим опоры даже в столице... Но в эпоху абсолютизма XVI–XVII вв. вследствие развития экономики снова появляются государства позднеимперского, преимущественно византийского, типа. В результате опять возникают сильно развитые столичные центры. Это ведет к окончательному распределению и выравниванию между столицей и остальной территорией, столь характерному для современных европейских стран (впрочем, значение столиц в современных демократиях сегодня вновь начало снижаться).

На гребне общего развития столицы получают новое дыхание (reinkarnation). Это происходит в конце эпохи средневековья в связи с расцветом капиталистического способа хозяйственно-

вания в трех основных регионах: в Северной Италии (Венеция, Генуя, Флоренция), частично во Фландрии (Гент, Брюгге, Антверпен) и частично в Германии с ее «имперскими городами», которые после Вестфальского мира получили в рамках Империи ту же самостоятельность, что и другие немецкие земли. Вплоть до окончания Французской революции ярчайшим примером города-государства, построенного по образцу римского полиса (*roms cert*), оставалась Венеция. В настоящее время сохранилось лишь несколько суверенных городов, включенных в современную структуру территории; к ним относятся так называемые свободные имперские города – Гамбург, Любек, Бремен, а также такой полукантон, как Базель. Однако на самом деле все они являются не более чем провинциальными центрами, пользующимися широким самоуправлением благодаря покровительству высших властей страны.

На сегодняшний день подобный тип государства тоже принято считать исчерпавшим себя. Мы констатируем, что современное государство охватывает собой территорию как городов, так и всей страны (*land*). Все государства – землевладельцы. Следующее наблюдение касается различия между государством и частным землевладельцем. Крестьянин может продать свой хутор (*gerd*) и купить новый. Совсем по-другому обстоит дело с государством. Государство не может никуда переехать. В противоположность бродячим ордам кочевников у него постоянное место жительства и прописка (*hemortsraat*). Это установлено раз и навсегда для всех краев (*mark*). Государство прикреплено к своей земле, оно погибнет, если нарушит эту связь. Оно подчинено «особенностям жизни» на этой земле. Представьте себе, что все население Швеции утратило связь с монархом, государственным флагом, всей своей подвижной культурой и присоединилось к кому-то другому, вошло в другое окружение. Швецию мы не смогли бы унести с собой, позади нас лежало бы мертвое шведское государство» (410, с. 125–126).

Обращение к авторским определениям с различными подходами к проблемному полю, которым занимается геополитика, убеждает в том, что предметность этой дисциплины следует строить с учётом и природно-территориально-географической, и историко-культурно-цивилизационной сторон. Пожалуй, самым важным объединяющим началом этих двух подходов к исследованию и двух сторон самого предмета геополитики является то, что данная дисциплина исследует именно политические процессы, разворачивающиеся в глобальных пространствах. Для таких глобальных пространств характерны как природно-географические, так и культурно-цивилизационные параметры. Ибо, вполне естественно, что глобальное пространство обладает определёнными природными качествами и географическими свойствами, которые влияют на социальную деятельность общества, существующего в рамках данного пространства. Справедливо и то, что социокультурные типы и цивилизации не могут размещаться в пределах локально ограниченных территорий, а требуют значительных пространств и потому проявляют себя в этих пространствах, продвигая свои интересы и реализуя самые разнообразные социокультурные потребности.

Определение геополитики на основе или с использованием географических признаков факт совершенно очевидный. Даже Н. Я. Данилевский, который не знал термина «геополитика» и исследовал цивилизационные типы, уже в названии своей работы «Россия и Европа» обозначил географические признаки. Не говоря уже о том, что он рассматривал политические действия Славянского мира и Европы именно в географическом пространстве. С другой стороны, геополитика и как понятие, выражающее сложные политические процессы в глобальных пространствах, где в качестве субъектов выступают влиятельные государственные организмы, и как предмет исследований включает в себя культурно-исторические и цивилизационные факторы. С учётом этого осуществлять трактовку понятия «геополитика» необходимо с помощью корреляции значений пространства и интереса.

Значение пространства выводится из префикса «гео» в термине «геополитика», а интереса – из политики. Если привязка «гео» к пространству выглядит достаточно понятной, то

относительно значения интереса применительно к политике следует сказать несколько подробнее.

Политика как форма социального бытия или сфера жизни общества определяется исходя из ее процессуальной направленности, функциональной заданности и ценностных ориентиров. В основе политической деятельности социальных субъектов лежит стремление к достижению собственных интересов или интересов других субъектов, если они (и интересы, и субъекты, а, как правило, и те и другие вместе взятые) благоприятны для данного актора. Следовательно, политика есть форма, поле и сфера реализации интересов социальных субъектов.

Под формой реализации интересов социальных субъектов (акторов) понимаются определённые действия или комплекс действий, направленных на достижение поставленных целей, связанных с присвоением контроля над деятельностью других людей, социальных групп, распределением продуктов (материальных и духовных) в обществе. Формами реализации интересов субъектов политической деятельности выступают соглашения, требования, запросы, насилие, убеждения и т. д. Таким образом, формы политической деятельности могут быть обнаружены практически во всей системе социальных связей и социального взаимодействия.

Поле реализации социальных интересов проявляет себя в различных видах социальной деятельности, таких как экономическая, общественная, образовательная, научная, культурно-просветительская, семейная и т. д. Следовательно, поле политики мы можем обнаружить во всех областях социальной системы.

В то же время политика рассматривается в качестве самостоятельной, особой сферы жизни общества наряду с экономической, социальной, культурно-просветительской, религиозно-конфессиональной, семейной, научно-образовательной. В политической сфере функционируют политические институты, которые учреждаются и создаются для достижения сугубо политических целей, вытекающих из установок на продвижение и достижение социальных интересов. Эта сфера достаточно чётко обозначена и включает в себя прежде всего государство, как политический институт, политические партии и политические средства социальной коммуникации, в том числе средства массовой информации.

Применительно к геополитике субъектом реализации интересов рассматривается прежде всего государство, а сфера их реализации может выводиться за пределы территориальной дислокации определенного государственного образования. **Геополитика – это комплекс методов и способов, обеспечивающих реализацию государственных интересов (интересов государства) в масштабах глобальных пространств.** Здесь интересы могут выступать в виде социокультурных, цивилизационных, экономических, военно-политических. Следуя из такого определения геополитики, вполне обоснованным является употребление этого понятия при характеристике различных цивилизационных типов и социокультурных пространств. Совершенно очевидно, что цивилизация не может ограничиться какими-либо локальными пространственно-временными зонами, а социокультурное пространство – одним или двумя регионами.

Говоря о геополитике как общественном явлении мы видим в ней такое географическое измерение политики, которое выводит нас на деятельность государств, обладающих ресурсами и потенциалом отстаивать свои интересы в глобальных пространствах, становящихся, таким образом, субъектами геополитики. Точно так же как в политике не все становятся её субъектами и имеются не только люди, но и целые социальные группы, которые в определенной ситуации не в состоянии реализовывать свои социальные интересы, контролировать внешние процессы и другие группы, так и в геополитике ещё более отчётливо обнаруживаются государства, находящиеся вне сферы геополитических интересов, неспособные построить своё поле геополитики, реализовать политику своего государственного организма в масштабах глобальных географических пространств.

1.2. Культура человека, общества и пространства

Определение понятий «культура» и «цивилизация» восходит еще к античной философии. В XVIII в. И. Кант обозначил различие между этими понятиями. В настоящее время насчитывается несколько сот определений этих понятий, связанных с понятием «общество». Его значимость обусловлена не только тем, что общество есть объект социально-политических исследований, но и тем, что определение «общества» позволяет более точно и адекватно представлять контекст исследования и даёт характеристику его инструментария.

Формирование общества происходит вследствие эволюции человеческого сознания. Преобразования в общественной системе осуществляются в процессе исторического развития человека. В этом смысле общество есть естественное следствие человеческой деятельности, а отнюдь не искусственное образование. Теория «общественного договора» Т. Гоббса, объясняющая возникновение общества искусственным путем, вряд ли может быть приемлема. Общество есть результат социальных связей, возникающих и устанавливающихся в процессе социальных действий человека, или, как отмечал М. Вебер, поведения человека, ориентированного на другого.

П. А. Сорокин, один из классиков мировой социологии, отмечал, что «общество означает не только совокупность нескольких единиц (особей, индивидов и т. д.), но предполагает, что эти единицы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, т. е. оказывают друг на друга то или иное влияние, соприкасаясь друг с другом и имеют между собой ту или иную связь» (317, с. 28). Уделяя значительное внимание определению общества, в связи с формулировкой предмета социологии П. А. Сорокин приходит к выводу, что при внешней схожести механизмов функционирования человеческого сообщества и сообществ высших животных единственным критерием, позволяющим отличать первое от второго, является качество сознания, присущее человеку. Ссылаясь на известного российского социолога и психолога Е. В. де Роберти, он отмечает: «Ни один вид кроме человека не обладает высшими формами сознания, представленного четырьмя основными классами социальной мысли:

- а) абстрактными понятиями и законами научного мышления;
- б) философскими и религиозными обобщениями;
- в) языком символов в искусствах;
- г) рациональной прикладной мыслью во всех дисциплинах от технологии, агрономии и медицины до этики, социального планирования и инженерии» (317, с. 157).

Существенную значимость в определении общества представляет признание того факта, что в основе социальных связей и социального поведения человека лежит фактор сознания. По этой причине безусловную ценность и интерес представляет определение, данное в личной переписке российского философа Ю. В. Олейникова, который характеризует общество как способ существования сознательных существ. В этом случае точно фиксируется источник не только социогенеза, но и последующего социального развития и совершенствования.

Исходя из данных определений строится понятие «социальность», которое выступает в качестве важнейшего атрибута общества. При определении понятия «социальность» следует учитывать существование двух его основных трактовок. Общее широкое значение социальности относит это понятие к различным формам социальных связей, которые проявляются во всех сферах общественной жизни. А специфическое (узкое) значение термина связывает его с взаимодействием элементов социальной структуры, когда оно (взаимодействие) направлено на сохранение и развитие социальных отношений и традиций, не связанных непосредственно с экономическими потребностями и политическими интересами. Последнее значение социальности отражает собственно социальную сферу общественной жизни.

Другим важнейшим атрибутом общества в его категориальном измерении становится понятие «социальное устройство», которое выражает характер системности общества, без

которого оно не может существовать. Это понятие самым непосредственным образом связано с политической системой общества. Социальное устройство или, как иногда определяется, социальный строй основным своим компонентом имеет систему регламентации и контроля за отношениями элементов социальной структуры. К числу наиболее значимых из них относятся личности, социальные слои, классы и институты.

Отсюда следует, что, во-первых, в мировой истории существует большое множество самых разнообразных форм социального устройства, связанных со спецификой социального управления. Эта специфика обусловлена самыми разнообразными факторами: социальными (историческими, культурными, моральными, этническими, сложившимися традициями), физическими (в том числе природно-географическими), индивидуально-психологическими (состояние общественного сознания, тип социального лидерства, менталитет общества).

Во-вторых, социальное управление есть форма и способ управления обществом, используемые государством как социальным институтом. Методологическим основанием социального управления выступают принципы, характерные для политического режима. В то время как государственное управление осуществляется правящей партией, монархом или президентом в отношении государственного аппарата. Поэтому оно есть управление государством как политическим институтом.

Приведённые характеристики общества позволяют сделать несколько важных выводов.

Во-первых, общество возникает и формируется в процессе реализации деятельностных качеств человека, необходимым следствием чего становятся разнообразные социальные связи, определённая структура которых обеспечивает системные признаки общества и отсюда само существование общества.

Во-вторых, техника деятельности и формы социальных связей осуществляются благодаря комплексу различных норм, стандартов, правил, способов, методов и т. п., свойственных человеку как носителю высокого сознания. При этом и деятельность, и социальные связи проявляются в самых разнообразных видах и сферах – материальной и духовной, предметно-практической и абстрактно-идеальной, организационно-деловой и творчески-моделирующей. Собственно, речь идёт о том, что принято обозначать культурой общества.

В-третьих, реализация отмеченных особенностей человека – деятельности и социальных связей, обеспечиваемых высоким сознанием, приводит к тому, что, с одной стороны, общество возникает, формируется, функционирует и существует как продукт человеческой культуры, а с другой – сама культура становится продуктом функционирования общества. С этих позиций мы можем говорить и об обществе культуры, и о культуре общества.

Культура представляется как безусловные достижения человеческой деятельности в сфере духовного и материального производства. Она есть следствие и специфическое обрамление социальной деятельности. Отсюда культура выступает в качестве достигаемого результата, условий и способа человеческой деятельности во всем ее многообразии. Следовательно, мы имеем все основания говорить как о духовной, так и о материальной культуре. В таком контексте культура непосредственно сопряжена с деятельностью, являясь ее (деятельности) результатом, и опосредовано формирует деятельность складывающимися условиями человеческого существования, которые строятся по определенным стандартам, нормам и моделям.

Поэтому, как человеческая деятельность охватывает всё новые пространства в процессе исторического развития общества, становится всё более сложной и многофункциональной, так и культура в известном смысле глобализируется. И общество, и культура проявляют и реализуют себя в глобальных пространствах (что, конечно же, не отменяет их реализацию на локальных уровнях). Именно этот аспект становится наиболее важным с позиции исследования геополитических процессов.

Понятие «глобализация», получившее в последнее время широкое распространение, то социальное явление, которое оно выражает, ассоциативно связано с расширением экологиче-

ского пространства, обретающего в современную эпоху, по определению В. И. Вернадского, состояние ноосферы.

В конце XVIII в. достаточно четко обозначился переход человечества к качественно новому этапу своего исторического развития. Знаменем этого переходного периода стало внедрение в систему материального производства парового двигателя. Это привело к появлению такой рабочей машины (орудия производства), которая приводилась в действие не за счет мускульной силы рабочего, а управлялась им. Впоследствии эти изменения стали обозначаться как «промышленная революция».

Внедрение парового двигателя в процесс производства стало возможным благодаря формированию новой мировоззренческой системы. В свою очередь сама мировоззренческая система, подготовившая «промышленную революцию», утверждается на базе созидательной функции личности в процессе ее социальной, в том числе практическо-преобразовательной деятельности. Деятельность же, обеспечивается прежде всего развитием человеческого сознания – в онтогенетическом и филогенетическом плане.

Деятельностное преобразование окружающей действительности становится возможным благодаря осмыслению человеком мироздания. На основе этого строится определенная модель поведения, социального в том числе. В конечном счете коренные модификации социального бытия происходят как результат развития и совершенствования индивидуального и общественного сознания. Деятельность является системой осознанно моделируемых целесообразных действий, направленных на достижение прогнозируемого результата.

Как форма реализации сугубо человеческих качеств деятельность играет очень важную роль в процессе антропосоциогенеза и в развертывании социальной свободы личности (в том числе в её становлении). Исходя из данного определения деятельность предстает как производная человеческого сознания и способности мышления. Поэтому она выступает в качестве показателя их состояния и практической реализации. Реализация деятельностных качеств личности обеспечивает существование практически всех сфер общественной жизни – социальных отношений, политики, экономики, культуры, науки и др. Деятельность становится основанием и «творцом» социального бытия человека.

В своем историческом развитии человек проходит несколько ступеней, связанных с эволюцией сознания. Все основные этапы исторического пути человека характеризуются различными качествами мышления и деятельности. Эти ступени выражаются и историческими формами, видами и способами деятельности, и историческими условиями существования человека. Безусловно, что «выделение» человека из животного царства предполагало не только изменение его морфологических признаков, но и изменение его сознания и форм деятельности.

Подобного рода «переход» характерен не только для процесса антропосоциогенеза. Известно, что человека первобытного общества, занимавшегося присваивающим хозяйством, относят к виду *homo sapiens*. Человека сельскохозяйственной цивилизации, предполагающей производящее хозяйство, обозначают как подвид *homo sapiens sapiens*. Этим отмечается существенное отличие между ними. В нынешнее время формируется новый тип человека – *homo creatur*. Для человека творящего особо важными и актуальными на сегодняшний день являются параметры социальной свободы. Ее реализация осуществляется в процессе деятельности или, с точки зрения психологов, активности, как специфически человеческом атрибуте поведения.

Когда мы говорим о социальной деятельности человека в экологической среде, то последняя определяется в соответствии с характерной для современной отечественной и зарубежной социально-философской традиции. Суть этой традиции сводится к тому, что экология обозначается как окружающая среда а не среда обитания; как часть освоенной природы, а не вся природа. В английском терминологическом обороте это хорошо прослеживается на примере терминов: *Environment* – окружение, окружающая обстановка, среда; и *Habitat* – среда обитания.

Мы используем термины «экология», «экологическая среда» и «экологическая деятельность» в соответствии с этимологией английского слова *environment*.

Возможность и даже необходимость рассматривать экологию в качестве окружающей человека среды, а не всей природы, подтверждается еще и тем фактом, что в рамках современной политической социологии возникло такое направление исследований, как электро-ральная экология. Исследования в этой области строятся исходя из специфики регионов, социально-классовых, стратификационных, этнических, религиозных, половозрастных групп, образовательного статуса и типа поселения. Социологические исследования в сфере электро-ральной экологии позволяют наиболее точно определить, в какой степени и в каких формах социально-экономический и этнокультурный контекст какой-либо группы населения воздействует на ее поведение во время выборов или принятия других политических решений. Исследования в этой сфере предполагают анализ воздействия специфических морфологических условий на поведение людей в данной единице территории.

Определяя современного человека как *homo creatur*, мы тем самым отмечаем не только его созидательные и творческие способности, которые гораздо шире и глубже по сравнению с предшествующими эпохами реализуются в системе общественного производства и в целом – социальной жизни, но и фиксируем процесс индивидуализации в социальной деятельности. Общество и человек становятся все более самостоятельными по отношению к экологической среде, которая по основным своим параметрам в большей степени формируется и даже создается в процессе человеческой деятельности.

Эти утверждения вовсе не противоречат тому факту, что в современном мире все более актуальной становится проблема глобализации. Скорее наоборот. Во-первых, глобализация есть, прежде всего процесс технологический, проявляющийся в различных сферах жизни общества, в том числе в политической. Он предполагает распространение новых более совершенных способов и средств освоения экологического пространства. Во-вторых, акции протеста против не всегда корректных действий «технологов глобализации» как раз свидетельствуют и о самостоятельности социальных групп и личностей, их создающих, и непосредственно демонстрируют феномен индивидуализации в социальной деятельности. Наконец, в-третьих, эпоха Великих географических открытий, которая тоже была этапом глобализации, отнюдь не дает основания считать общества и людей, инициировавших ее, менее самостоятельными или утрачивающими индивидуальные качества по сравнению с периодом Средневековья. Совершенно очевидно, что эпоха Возрождения и эпоха Великих географических открытий совпадают не только хронологически, но и по существу. Можно сказать, что социально-генетически это однотипные явления в человеческой истории.

Исходя из предложенного определения можно утверждать, что глобализация является одним из важных атрибутов исторического процесса, как всемирного последовательного пространственно-временного развертывания социальной формы бытия Человека. Именно в таком смысле представляет всемирную историю

К. Ясперс, (см.: 447). По сути все известные модели всемирной истории, начиная с концепции Августина Аврелия, фиксировали важнейшие признаки глобализации человеческой деятельности в масштабах земного пространства и в соответствии с определенными временными интервалами.

Первой критериальной схемой мировой истории стала концепция исторической периодизации Г. Гегеля (см.: 229, с. 409). В качестве критерия исторического процесса он рассматривал степени достижения свободы, которые определяются развитием Мирового духа и предстают в виде его (Мирового духа) последовательно развивающегося процесса. Потому исторические эпохи становятся эпизодами проявления Мирового духа. Социальная реальность строится на основе распространения свободы в обществе, и этим выражается характер исторической последовательности. В силу особого значения Мирового духа для социально-исторического разви-

тия у Гегеля мировая история творится «над человеком» и потому человек не субъект, а объект социальной глобализации.

Другими критериями в оценке всемирной истории пользовался К. Маркс, который концепцию Г. Гегеля поставил «с головы на ноги» в том смысле, что сделал основанием своей теории и в соответствии с ней, самой истории, не «голову», а «ноги». Интерпретация идей Г. Гегеля в материалистическом духе позволила К. Марксу по-иному рассмотреть принципы взаимоотношений общества и личности, с одной стороны, и государства с другой. У него государство по сравнению с Т. Гоббсом уже не освобождало человека от насилия, а само являлось инструментом насилия для господствующих в обществе социальных классов. Покончить с социальным насилием и обрести истинную свободу можно в соответствии с концепцией К. Маркса в случае обобществления всей системы производства материальных благ, достижения, таким образом, социального равенства и устранения государства как аппарата насилия. Эта позиция мало чем отличается от анархистской, недаром в период их формирования они (коммунизм и анархизм) были идейно близки, а зачастую тождественны. Вследствие такого подхода к развитию мировой истории, тотальный коммунизм, который «неизбежно ожидает» все человечество, и есть феномен социокультурной глобализации. Что касается факторов всемирно-исторического развития, то они у Маркса находятся «под человеком», история творится «ногами» человека.

Еще одной заметной критериальной схемой мировой истории является модель Э. Тоффлера, метафорически представленная «тремя волнами» социальной стихии. Она создается на основе социологической рефлексии исторического процесса, с концептуализацией современного развития общества, состояние которого рассматривается сквозь призму прагматической (материалистической) парадигмы. В этом плане Э. Тоффлер стоит близко к марксизму, но социологический акцент позволяет ему дистанцироваться от К. Маркса и представить расположение критериев исторической периодизации «вокруг человека».

В работах Э. Тоффлера стремится обозначить и показать предполагаемые достижения будущей цивилизации. К их числу относятся: а) интенсивное проникновение электронной техники во все сферы общества; б) значительный рост производительности труда; в) улучшение условий жизни. В то же время он говорит и о тех острейших проблемах, которые могут возникнуть в связи с прорывом в будущее. Одним из серьезных и болезненных последствий социального развития будет слияние электроники и биоэнергетики, – считает автор «Третьей волны». Оно существенным образом скажется не только на экономике, но и на жизни человека в целом, его трудовой деятельности и нравственности.

Представляется, что при всех положительных сторонах отмеченных концепций они сконцентрированы на рассмотрении и исследовании внешних признаков человеческой деятельности. Отсюда возникает схема параллельного существования человека и культуры, что вряд ли может соответствовать истинному положению дел. Избавиться от такого несоответствия возможно, если рассматривать феномен культуры как производный от человеческой деятельности. Тогда социокультурная история разворачивается не «над, под или вокруг человека», а самим человеком и в нем самом. Это позволяет рассматривать культуру (духовную и материальную) как комплексное выражение социальной деятельности человека прежде всего по отношению к внешней природе и экологической среде.

В кратком изложении основные вехи социокультурного развития человека в масштабах всемирной истории выражаются тремя эпохально значимыми уровнями. Этим историческим уровням социального бытия человека соответствуют специфические способы взаимодействия человека с природой, являющиеся для него экзистенциально значимыми. В авторской редакции они определяются как присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия (подробнее об этом см.: 346, 347). Каждый из этих способов взаимодействия опосредуется определенным типом исторического человека – *homo sapiens*, *homo*

sapiens sapiens и homo creatur – и предполагает определенные формы культурного освоения окружающего пространства – природопользовательную, природоорганизующую и природосоздающую. Культура социальной организации выражается универсальными историческими типами обществ или социума – зависимым, обусловленным и автономным. Вследствие этого вместе с совершенствованием самого человека происходит совершенствование его культуры, которая в современную эпоху осваивает глобальное экологическое пространство, расширяющееся до пределов космоса.

Деятельностный фактор в функционировании общества и распространении культуры, анализ связанных с этим процессов позволяет представить особенности и принципы освоения человеком и обществом пространства, обустройства его с помощью культурных методов, в том числе при помощи определённых принципов деятельности в окружающей среде. В данном случае уместно будет рассмотреть экологическую деятельность человека или деятельность в экологическом пространстве, что имеет непосредственное отношение и к культурно-цивилизационному освоению мира, и к его геополитическому устройству, как распределению интересов в глобальном пространстве государств и цивилизаций.

Известно, что этимологией современного термина «экология», введенного в научный оборот Э. Геккелем в 1866 г., является древнегреческое *oikos* – обиталище. *Oikumene* у древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского (ок. 546–480 гг. до н. э.), это обитаемое пространство, среда, освоенная человеком. (Кстати, сам Геккель под экологией понимал не всю природу, а ту ее часть, которая выступала как окружающая среда для растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ, в рамках которой последние строили отношения между собой, а также с самой средой.) Придерживаясь этих исходных значений, следует под экологией понимать учение об осваиваемой (освоенной) и создаваемой (созданной) среде существования человека, либо непосредственно саму эту среду. В этом случае эпитет «экологический» позволяет подчеркнуть принадлежность к среде, освоенной человеком и содержащей в себе условия его социального существования. Таким образом, экология (как синоним *oikumene*) это не вся природа, а только та ее часть, где осуществляется социальная деятельность. В этом случае термин «экология» трактуется в соответствии с этимологическим значением слова *oikumene* и понимается тождественным окружающей среде. При этом фиксируется отличие окружающей среды от среды обитания, когда последняя может быть понята как биоэкология в смысле, заложенном еще Э. Геккелем. Следовательно, среда обитания (биоэкология) рассматривается как часть окружающей среды – экологии.

Условия экологической среды во многом определяются, особенно в современную эпоху, самой деятельностью человека. Поэтому экологический императив характерен не только для общества «эпохи ноосферы» и не сводится лишь к нравственным ценностям, как считает Н. Н. Моисеев². Он фактически является необходимым атрибутом истории существования человеческого общества. Этим отмечается значение деятельностного фактора в создании условий существования человека. В результате реализации своих деятельностных возможностей человек создает продукты, предметы, процессы в окружающей его среде. Тем самым обеспечиваются условия человеческого существования, определяется дальнейшее развитие и параметры совершенствования человеческой деятельности, её пределы и формы. Получается, то, что человек создаёт и как создаёт, тем он и пользуется, то и формирует рамки его социального бытия. В этом русле дается трактовка экологического императива, определяются его специфические признаки, устанавливается диалектическая взаимосвязь человека и окружающей природной (естественной и искусственной) среды. Этот аспект фиксируется следующим образом: человек, с одной стороны, моделирует и формирует окружающую среду (экологию или *oikumene*), а с другой, экологическая среда детерминирует социальное поведение человека, его социальный статус и социальные связи в обществе.

В рамках и в процессе освоения обществом природного пространства вырабатываются определенные модели, принципы, правила и другие регуляторы человеческой деятельности в окружающей среде, экологии. Комплекс таких регуляторов является экологическим императивом деятельности. Он выражает обратное (возвратное) повеление человеку от условий реализации и самой реализации его деятельностных качеств. Экологический императив регулирует этот процесс реализации, возникает на основе социокультурных устоев общества. Экологический императив есть детерминация параметров, пределов и возможностей деятельности социальных субъектов (от личности до социума) способом, качеством и принципами освоения и создания человеком окружающей среды. В таком случае действие экологического императива в целом характерно для экзистенциального (сущностно значимого) взаимодействия человека и природы в процессе всего социально-исторического развития.

Исходя из данного нами определения действие экологического императива предполагает:

- взаимосвязь настоящей и предшествующей человеческой деятельности;
- причинную обусловленность деятельности условиями созданной и создаваемой человеком среды обитания;
- ограничения деятельности принципами, лежащими в основе условий человеческого существования;
- зависимость содержания, направленности, состояния, характера, формы и других параметров деятельности от качественных показателей условий социального существования;
- существенное влияние на содержание и форму деятельности способа взаимодействия человека с природной средой, который выступает в качестве основного средства ее освоения и преобразования.

В процессе исторического развития человеческого общества возрастает значение деятельностного фактора в формировании экологического императива. Уже на начальной стадии социального развития человек, реализуя свое деятельностное начало, включаясь в естественно-природные процессы, непосредственно участвует в формировании условий своего существования. Дальнейшее развитие человека в мире приводит к тому, что человек благодаря своей культуре становится активным участником строительства всего корпуса мироздания. Вследствие этого для него становится особо значимым соблюдение императива деятельности, связанного с нравственными принципами регулирования социального поведения в целом.

И. Кант впервые сформулировал проблему, по сути, нравственного императива (выступающего в двух видах – гипотетическом и категориальном). Пожалуй, как никто другой в то время, он осознал надвигающиеся социальные перемены, которые были обозначены и отражены им в трактате «К вечному миру». Эти перемены, как теперь видно, связаны с формированием новой системы мироздания, в которой фактор экологической деятельности человека, приводящей к изменениям в окружающей среде, играет немаловажную роль. По этой причине мировоззренческие принципы человека, включающие в себя нравственные ценности, моральные нормы и правила, испытывают влияние экологического императива и подвергаются определенной трансформации.

Процесс формирования мировоззрения в качестве одного из своих компонентов имеет психологические установки человека. Тем самым прослеживается взаимосвязь мировоззрения и социального поведения личности. Человеческое поведение, как отмечал М. Вебер, становится социальным действием тогда, когда действующий субъект осознает свои действия и соотносит их с позицией и поведением других людей. Таким образом, обнаруживается смыслообразующий принцип мировоззрения и социального действия личности, их взаимного влияния. Следовательно, реализация деятельностных качеств личности в равной степени оказывает влияние на формирование мировоззрения человека и испытывает это влияние на себе. Этот процесс отслежен М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Протестантское мировоззрение сформировалось под влиянием социальной деятельности эпохи Воз-

рождения, основанной на принципах индивидуализма. В свою очередь дух индивидуализма и этические принципы протестантизма оказали решающее воздействие на становление капиталистической системы общественных отношений и социальной деятельности.

В тесном взаимодействии с мировоззрением находится мышление. Последнее, особенно реализующееся в форме менталитета общества и ментальности личности, оказывает непосредственное влияние на социальное поведение человека. Недаром и мышление, и мировоззрение становятся атрибутивными признаками для определенной исторической эпохи.

В этих определениях обозначен базисный уровень исторической эпохи для качественной характеристики мышления и мировоззрения. А параметры эпохи складываются на основе специфических способов взаимодействия человека и природы, зависящих от уровня развития человеческого сознания. Осознанная реализация деятельностной функции человека в процессе его взаимодействия с окружающей средой обуславливает нормативность мышления и мировоззренческие устои. Ведь нормативность мышления человека сельскохозяйственной цивилизации явно и принципиально отлична от нормативности первобытного мышления. основополагающие мировоззренческие устои той же сельскохозяйственной цивилизации, будут характерны для всего данного исторического этапа. Хотя типы мировоззрения и мировоззренческие принципы будут изменяться в зависимости от региональной, временной и социальной специфики того или иного общества.

Изменяющаяся система мироздания исходя из отмеченных процессов взаимодействия человека и природы обуславливает качественные преобразования в сфере мышления человека и социума. В принципе это и является формированием нового мышления. Необходимым становится создание новых понятий и суждений, теорий и концепций о месте и предназначении человека в мире природы, формирование парадигмы исследования мироздания.

Что касается нового мышления, то оно непременно должно быть реализовано в сфере экологической деятельности, отчетливо выделяющейся в последнее время. Экологическая деятельность с ее глобальным охватом всех форм человеческой деятельности в окружающей среде настоятельно требует утверждения экологического императива в общественном сознании и мировоззрении. Обоснование экологического императива основывается на разработках отечественных философов, которые неоднократно подчеркивали значение сознательного фактора в регуляции взаимодействия общества и природы. Например, Ю. В. Олейников пишет: «Природные процессы вследствие более низкого уровня развития механизмов саморегуляции (в сравнении с социальными процессами) не могут обеспечить поддержание динамического условия существования системы «общество – природа». Функцию регулятора может теперь выполнять только общество как непосредственный субъект взаимодействия различных уровней организации материи» (250, с. 20). И эту функцию регулятора невозможно осуществить без культуры, без культурных достижений во всех видах деятельности – в экономике, политике, социальной и духовной сферах. Эта функция непосредственно или опосредованно включается и в систему геополитического устройства и геополитических отношений, так как она связана и с культурно-цивилизационными, и с экономическими, и с внешнеполитическими интересами ведущих государств планеты.

1.3. Фактор культуры в преобразовании мироздания

Основанием подхода к исследованию данной проблемы стала социально-философская концепция стадильности социально-исторического развития с тремя основными универсальными историческими типами социума (346, с. 64–94). Суть этой концепции сводится к следующим положениям:

1. В процессе деятельности в окружающей природной среде человек объективирует свои сущностные качества и реализует индивидуальные устремления. При этом происходит накопление потенциала культуры (материальной и духовной) и благодаря этому преобразуются усло-

вия человеческого существования, осуществляется формирование экологической среды, как среды социального существования человека.

2. Когда мы говорим о социальной деятельности человека в экологической среде, то последняя определяется в соответствии с этимологией английского слова *environment*.

3. В процессе социально-исторического развития человеческий фактор в формировании и создании экологической среды неуклонно возрастает. Результатом реализации личностью своих деятельностных качеств, созидательных способностей и в целом социальной свободы является ее непосредственное участие в формировании и создании условий социального существования. Потому экологическая среда включает в себя условия социального существования.

4. Исследования исторического процесса взаимодействия общества и природы и формирующейся на основе этого социальной истории человека позволяют обосновать базисные источники социального существования, способы экзистенциального взаимодействия и универсальные типы социума и дать им определения.

5. Источник социального существования связан с определенными процессами в окружающей экологической среде, в которые человек включается и посредством взаимодействия с ними обеспечивает необходимые условия своего существования. Процесс взаимодействия и система отношений общества и природы выступают как необходимые основания человеческого существования. Изменения в использовании источника существования, особенно на ранней стадии исторического развития, влекут за собой неминуемые социальные последствия. Исходя из данных определений и реальной социальной истории мы выделяем природо-пользовательный, природо-организующий и природо-созидающий источники социального существования.

6. В качестве основных способов взаимодействия человека и природы на протяжении исторического развития выступают присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия.

7. Наконец, собственно процесс исторического социального развития, его оценка и анализ дают основания обозначить универсальные исторические типы обществ или социумов – зависимое, обусловленное и автономное.

В результате возникают два очень важных заключения. Во-первых, вся социальная история человечества представляет в глобальном плане последовательный процесс освоения все более сложных, с точки зрения организации социального существования, геоприродных пространств. Благодаря совершенствованию своей социальной деятельности человек в историческом процессе строил все более сложные конструкции социального бытия, переходя от природопользовательной доминанты во взаимодействии с окружающей средой к природоорганизующей и затем к природосозидающей. Это, с одной стороны, обеспечивало ему возможности освоения и преобразования новых, более трудных по сравнению с предыдущими, природных пространств, а с другой – стимулировало саму потребность социоприродных преобразований. По сути, данная констатация, основанная на анализе социально-исторического развития в контексте использования способов взаимодействия общества с природной средой, предстаёт в качестве закона перемещения очагов культуры человечества и смены доминирующих цивилизаций. И этот закон непреклонно свидетельствует о том, что в пространственно-временном плане географические ареалы базирования доминирующих цивилизаций, возникающих на оси мировой культуры, перемещаются с юга на север.

Во-вторых, вся история человечества, рассматриваемая с позиции взаимодействия общества и окружающей природной среды, невозможна без культурной компоненты. В этом контексте культура является методологией и методом освоения и преобразования геоприродного пространства. Собственно говоря, строение человеком мироздания осуществляется в соответствии с утвердившейся культурной парадигмой, по определенным культурным моделям. В связи с этим становится очевидным, что сами способы взаимодействия общества и окружаю-

щей природной среды, являющиеся, по сути, следствием реализации деятельностных начал человека, выступают как культурные феномены.

Вследствие этих заключений возникает определенная логическая конструкция, выражающая реально существующие закономерности, элементами которой становятся коррелируемые друг с другом понятия мироздания, человека, деятельности, культуры, цивилизации и геополитики. Эти понятия исходя из принципа дихотомического деления соотносятся друг с другом и по смыслу, и по реально выражаемым явлениям. Дихотомические пары образуются вследствие того, что включенные в них понятия находятся в соподчиненном положении относительно друг друга и предполагают соответственно более общее понятие или категорию.

Дихотомическая пара «Мироздание – Человек» строится на основе того, что: 1) мироздание по определению предполагает существование человека, а человек без мироздания осуществиться не в состоянии, и 2) она включается в общую категорию Бога, являющегося творцом и мироздания, и человека. Пара «Человек – Деятельность» внутренне связана тем, что человек проявляет себя в деятельности, а деятельность является атрибутивным признаком человека. Общей категорией для этой пары выступает мироздание, в рамках которого человек реализует свои деятельностные качества. Следующие пары достаточно очевидны и не требуют дополнительной аргументации: для «Деятельности – Культуры» общей категорией становится Человек, для «Культуры – Цивилизации» – деятельность и для «Цивилизации – Геополитики» – культура. В общем возникает своеобразный эффект, напоминающий принцип русской матрёшки.

Причем мы можем строить дихотомические пары внутри этого ряда не только последовательно совмещая выделенные понятия, но и перемежая их. В частности, образуя пары «Мироздание – Деятельность», «Мироздание – Культура», «Мироздание – Цивилизация» (с общей категорией Бога), «Человек – Деятельность», «Человек – Культура», «Человек – Цивилизация», «Человек – Геополитика» (с общей категорией мироздания) и т. п.

В этой конструкции феномен культуры представляет интерес прежде всего тем, что его анализ позволяет выразить состояние мироздания, дать определение раскрытию человеческого потенциала и показать качество деятельностных способностей человека. Соответственно в поле исследования попадают дихотомически связанные с культурой понятия цивилизации и геополитики. Вообще в этом дихотомическом ряду, который начинается с мироздания (предполагающего существование Бога/Высшего Разума/Абсолюта) и завершается геополитикой (как сферой реализации практических интересов, прежде всего государств-акторов международных отношений и цивилизаций), культура занимает центральное место, выполняя в том числе функции связующего звена между мирозданием и геополитикой. Подобная функция очерчивает широту функционального диапазона культуры в пространстве социальной жизни и отмечает её ведущую роль в преобразовании мироздания эффектом обратной связи через деятельность и человека. Также такой дихотомический ряд демонстрирует не просто механизмы, но закон следствия геополитических отношений от устройства мироздания, через посредство культурно-цивилизационных комплексов, и закон воздействия геополитического устройства на структуру мироздания.

Приступая к рассмотрению проблем, связанных с указанным аспектом темы исследования, необходимо определиться с трактовкой основных понятий. В данном случае к их числу относятся те определения, которые отличаются существенным разнообразием, в зависимости от авторских позиций. Два из них – культура и геополитика – были рассмотрены ранее, а третье – цивилизация – присутствует в настоящем исследовании в качестве основной проблемы второго раздела. Но логика настоящего текста позволяет сделать определение цивилизации уже сейчас, а конкретные особенности этого социального феномена применительно к теме исследования рассмотреть предметно уже в следующем разделе.

Стоит ещё раз подчеркнуть, что предлагаемые определения понятий «культура» и «цивилизация» принципиально не расходятся с множеством других определений, существующих в

отечественной и зарубежной науке. В то же время в определении культуры и цивилизации необходимо выделить основные сущностно значимые признаки.

Итак, культура есть результат, условие и способ человеческой деятельности во всем ее многообразии – в сферах духовного (идеального), услуг и материального (вещественного) производства. Зачастую выделяются духовная и материальная культура. Исходя из этого культура является основным фактором преобразования условий существования человека и общества (в том числе природных), самого человека, социальных связей, создающих структуру общества, и общества как системы. В общем, того, что мы можем включить в человеческое мироздание, производное от его (человека) деятельности. Следовательно, функциональный диапазон культуры в преобразовании мироздания настолько объёмен и глубок, что он включает в себя всё происходящее от человека, все ценности, созданные и создаваемые в процессе деятельности.

Даже если исходить из самых ранних определений «цивилизации», она возникает как следствие развития человеческого общества, характеризует одну из его стадий и в качестве своих признаков имеет такие социокультурные явления, как стратификационные изменения в обществе и классовообразование, урбанизация жизни, включая хозяйство, быт и условия существования, коммуникационный обмен на основе письменности и т. п. Как бы там ни было с авторством этого термина и понятия, цивилизация и в трактовках современных авторов обозначается как стадия развития человеческой культуры или стадия общественного развития, осуществляемого благодаря культуре и на основе культуры. И если следовать логике, то предшествующие цивилизации состояния общества, безусловно, должны обладать определённой культурой, но цивилизационно не оформленной. Отсюда возникает как минимум два вывода: 1) цивилизация есть следствие развития культуры общества и 2) цивилизация является оформлением культурных достижений общества.

Тогда в социально-историческом контексте **цивилизация должна рассматриваться в качестве процесса, базирующегося на развитии духовной и материальной культуры и служащего показателем их состояния.** Основной мотив генезиса человеческой цивилизации состоит в необходимости упорядочивания и организации достижений человеческой деятельности, культуры. Поэтому цивилизация кроме регламентирующих функций еще и определяет направленность развития общества, комплексной человеческой деятельности.

Исходя из данных определений можно заключить, что некультурных этносов не существует, так как культурная деятельность является одним из отличительных социальных и даже человеческих признаков. А вот нецивилизированные этносы, как не достигшие качественного уровня упорядочивания и организации культурных достижений, встречаются во всемирной истории. На это обращал внимание Н. Я. Данилевский, который, выделяя культурно-исторические типы (цивилизации) в человеческой истории, отмечал существование «отрицательных деятелей человечества» и «этнографического материала» – такие типы обществ, которые не достигли по тем или иным причинам цивилизационного состояния (95, с. 89).

Не только в стадильном линейном социально-историческом выражении цивилизация обусловлена культурой, но и в нелинейном пространственно-историческом. Определяющее влияние культуры на цивилизацию в последнем случае проявляется ещё более чётко и предметно. Известные в истории человечества великие цивилизации имели в своей основе специфические культурные комплексы, позволяющие создавать им своё цивилизационное своеобразие. Именно культурные комплексы обеспечивали не только цивилизационную стойкость на определённых этапах исторического развития обществ-цивилизаций, но и их геополитический статус. Фактически на такую связь культурного комплекса с цивилизационным устройством, зависимость цивилизации от культурно-исторического типа указывал Н. Я. Данилевский, выводя третий закон исторического развития: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя

при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» (95, с. 91). Исходя из этого закона можно предположить, что в рамках глобальных пространств цивилизации обладают своими интересами, которые они формулируют в процессе геополитических действий и в отношении других цивилизаций. В таком случае цивилизации предстают в качестве геополитических игроков.

Следуя из определения геополитики как комплекса методов и способов, обеспечивающих реализацию государственных интересов в масштабах глобальных пространств, вполне обоснованным является употребление этого понятия при характеристике различных цивилизационных типов и социокультурных пространств. Очевидно, что цивилизация не может ограничиться какими-либо локальными пространственно-временными зонами, а социокультурное пространство – одним или двумя регионами.

По сути, говоря о цивилизации, мы имеем дело с двумя её измерениями – стадийным, пространственно-временным, линейным и региональным, пространственно-историческим, нелинейным. В первом случае речь идёт об истории развития человечества и культуры общества, строящего цивилизационные конструкции своего бытия на базе культурных достижений последовательно по временной вертикали. Во втором – об особых культурных типах общества, оформляющихся в цивилизационные комплексы и имеющие заданные пространственные границы, в рамках которых они (культурно-цивилизационные типы) сохраняются в течение определённых временных интервалов – это Египетская, Ассирио-вавилонская, Индийская, Китайская, Греко-римская (Эллинская), Ацтекоинкская (Центрально-американская), Арабская, Европейская (Романо-германская) цивилизации.

Важно отметить, что и в первом, и во втором измерениях культурные преобразования пространства существования общества и их последующее цивилизационное оформление происходят как следствие реализации деятельностных качеств человека и образуемых им социальных сообществ. Именно деятельностные возможности как способность к осознанному моделированию и условий своего существования, и механизмов социальных отношений позволили человеку осваивать природные пространства, создавать очаги культуры. На этой основе строится процесс взаимодействия человека и общества с естественной природной средой. В этом процессе взаимодействия человек реализует свои деятельностные качества в условиях окружающей его природной среды, которые «предъявляют требования» к характеру, формам и способам деятельности. И человек в своей деятельностной реализации должен учитывать эти требования, создавая соответствующие способы воздействия на природу, формируя систему социального взаимодействия внутри своего сообщества, структурируя социальную систему, выбирая модели социальной регуляции и устройства.

В конечном, естественно-природные условия, в которых формируется и функционирует конкретное человеческое общество, становится для него источником социального существования (346, с. 52–63). Понятие источника социального существования обозначает естественно-природные процессы в окружающей человека среде, в которые он включается и посредством взаимодействия с ними обеспечивает необходимые условия своего существования. Иначе невозможно представить само существование человека и общества не только как биологических, но и социальных организмов. Встраиваясь в условия существования как в свой источник существования, человек встраивает в них и свою социокультурную систему. Поэтому изменения в использовании источника социального существования неизбежно ведут и к изменениям социокультурной системы.

В пространственно-временном линейном процессе использования источника социального существования, изменяющегося по вертикали исторического времени в плане всего человечества, возникают своеобразные исторические формы или способы взаимодействия общества и природы. Основными из них являются: присваивающий, производящий и созидательный способы экзистенциального взаимодействия (346, с. 52–63). Каждый из этих способов наи-

более ярко выражается историческими типами производства материальных благ: присваивающим хозяйством, сельскохозяйственным производством и промышленно-автоматизированным производством.

Для настоящего исследования важно отметить в этом историко-временном процессе возникновения способов экзистенциального взаимодействия общества и природы то, что каждая более высокая стадия или способ возникают по причине существенных изменений в естественно-природной среде человеческого существования. Как в одном и том же географическом ареале, так и с их сменой. Если изменения, происходящие в рамках одного географического ареала, воздействовали и способствовали развитию социокультурного комплекса общества, совершенствовали его цивилизационное устройство, то смена географических ареалов, происходящая с юга на север, влияла на образование новых очагов мировой культуры, новых цивилизационных конструкций. Причём пространственно-временное перемещение географических ареалов, становящихся новыми источниками социального существования и диктующими необходимость использования новых способов экзистенциального взаимодействия общества с естественно-природной средой, давало линейное восхождение очагов мировой культуры и становление на их базе доминирующих цивилизационных типов, более развитых, чем предшествовавшие.

И хотя одним из наиболее впечатлительных показателей культурно-цивилизационного развития являлся уровень экономического развития, совершенствование производства и отсюда комфорта и уровня жизни общества, экономическое состояние не определяет перспективы цивилизационного развития и роль в геополитическом форматировании. К тому же производство, формирующееся исходя из способа экзистенциального взаимодействия, является следствием ряда факторов, каждый из которых связан с культурой общества. Совершенствование производства предметов и процессов, обеспечивающих благоприятные условия жизни общества, осуществляется благодаря: а) эволюционирующему сознанию; б) прогрессирующей человеческой деятельности; в) эффективному использованию источника социального существования; г) совершенствованию способа экзистенциального взаимодействия; д) развитию менталитета общества и ментальности личности. Вполне очевидно, что все эти факторы имеют самое непосредственное отношение к духовной и материальной культуре общества. А человеческое сознание и обеспечиваемая им человеческая деятельность порождают культуру общества как таковую.

В результате мы можем констатировать, что деятельностный фактор приводит к существенным изменениям в окружающей общество среде. Следствием реализации человеком деятельностных качеств является формирование источника социального существования и организация определенного способа экзистенциального взаимодействия общества и природы. В свою очередь источник социального существования и способ экзистенциального взаимодействия выступают в качестве основных атрибутов экологической среды и фиксируют её важнейшие параметры. Таким образом, экологические параметры позволяют охарактеризовать условия экологической среды, с доминирующим в конкретную историческую эпоху источником социального существования и с учетом влияния определенного способа взаимодействия человека и природы. Устанавливаемая связь экологических параметров, способа экзистенциального взаимодействия и источника социального существования служит основанием для образования универсального исторического типа общества. То есть функциональный диапазон культуры формируется уже в процессе человеческой деятельности, испытывая на себе влияние условий среды социального существования, в результате чего образуется социокультурный комплекс, с помощью которого преобразуются естественно-природные условия в социоприродные и складываются самые разнообразные способы (культурной или окультуренной) деятельности, реализуемые во всех сферах индивидуальной и общественной жизни – от творчества и искусства до семьи и экономики.

Рассматривая культуру в качестве человеческого и социального феномена, принципиально значимого явления общественной жизни, а тем самым свойственную всему социально-историческому процессу развития, мы можем характеризовать её с трех позиций или выделять три измерения развития культуры. В этих измерениях обозначается тот функциональный диапазон культуры, который связан с её сущностным содержанием, происходящим от природы человеческой деятельности. И уже как следствие возникают видовые и частные случаи функционирования культуры, которые наполняют функциональность культуры.

Первое измерение культуры как глобального исторического явления – это концептуальное измерение, фиксирующее усложняющееся содержание культуры в онтологическом контексте, в смысле существования культуры, являющей себя в качестве компоненты бытия. Здесь культура предстаёт как порождение и атрибут самого человека, раскрывающего свою самость в процессе деятельности – социальной и индивидуально-творческой.

Концептуальное измерение культуры позволяет нам определять её функции в различных формах социального устройства, в универсальных исторических типах общества, цивилизационных образованиях, политических системах. Функциональность культуры, производная от её онтологического содержания, оказывает влияние и на геополитические процессы, в которые включены цивилизационные центры, и на геополитическое форматирование, и на геополитическое устройство мира.

Второе измерение, более простое по выражению, фиксирует пространственно-временное распространение культуры, основной вектор которого задан с юга на север нашей планеты. В этом случае речь идет о геопрограммировании моделей культурной деятельности человека в плане их совершенствования и усложнения. Тогда функция культуры определяется окультуриванием пространства человеческой деятельности. Такая функциональность обеспечивает культурную активность и в определённой степени культурную агрессивность, не только в отношении неокультуренного, естественно-природного пространства, но и территорий с иной культурной традицией, менее эффективной и производительной. Это развёртывание включает в себя очаги мировой культуры, которые в пространственном плане выстраиваются с юга на север нашей планеты.

Третье измерение культуры – историческое (от древнейших эпох до современного общества). В этом измерении более чётко выражается совершенствование культурных методологий и парадигм, нежели в пространственно-временном, где обозначаются прежде всего вехи развития культурных технологий (материальных и социальных). Здесь акцент делается на развитии общечеловеческой культуры, которая в историческом контексте совершенствуется и развивается. Так же как второе измерение, третье демонстрирует стадийный характер развития культуры общества.

Таким образом, второе и третье измерения культуры представляют пространственно-временное и историческое развёртывание онтологического смысла культуры. Рассмотрение этих измерений позволяет отразить онтологические изменения в культуре и показать формирование оси культуры человеческого мироздания (о чём подробнее остановимся ниже в четвёртом разделе).

Исходя из того, что преобразование – это процесс упорядочивания качественных накопленных в системах любой сложности, который приводит к образованию новых связей и совершенствованию существующих, что ведёт к структурным изменениям и новым системным признакам, важно определить, что в рамках данной системы обеспечивает качественные накопления. В случае с социальной системой такую функцию выполняет культура. Именно в поле культуры или в культурных полях, охватывающих буквально все сферы, виды и формы человеческой деятельности и общественной жизни, происходит не только накопление, но и создание ценностей, которые качественно характеризуют социальную систему.

1.4. Производственная культура социальных организмов и их политическое форматирование

Культурно-экономический фактор социального структурирования воплощается в политико-экономических трендах форматирования социальной системы. Стержневым звеном экономики является производство материальных благ, которое разворачивается на основе доминирующего источника социального существования, являющегося следствием реализации деятельностных качеств человека, создающих культуру общества, во взаимодействии с естественно-природной средой.

С точки зрения геополитической проблематики такой подход мотивирован ещё и тем, что в рамках геополитики, как науки о способах, средствах и формах реализации цивилизационных интересов государства в глобальных географических пространствах, существует направление геоэкономики, стремящейся объяснять геополитическую активность государств их экономической мощью или стремлением к её обретению. В этом случае геополитическое форматирование и переформатирование означает, по сути, распределение и перераспределение мировых ресурсов – энергетических, минеральных, технологических, трудовых. Тогда внешнеполитическое влияние ведущих акторов геополитики утверждается их экономической мощью, которая становится производной от технологического развития. Отметим, что технологическое развитие, как и сами производственные технологии, являются элементом культуры общества, характеризуют качество человеческой деятельности в этой сфере общественной жизни. В этом аспекте оказываются взаимно связанными экономическая культура (культура экономической деятельности), экономическая политика, экономические (производственные) отношения и геополитические процессы.

Важнейшей составляющей экономики и сферы производства материальных благ являются отношения его элементов – людских и вещных, которые, с одной стороны, обеспечивают сам процесс функционирования этой сферы жизни общества, а с другой – выводят в поле политики, будучи сопряжёнными с реализацией социальных интересов действующих в системе экономических отношений субъектов. Соответственно при рассмотрении глобальных экономических систем или систем хозяйственного производства в крупных социальных организациях государств и цивилизаций такого рода отношения испытывают влияние культурно-исторических типов обществ и включаются уже не только в микро- и макрополитические процессы внутри общества, но и выходят на геополитический уровень.

Когда мы обращаемся к истории возникновения термина и устоявшегося определения понятия экономики, то находим подтверждения прозвучавших здесь характеристик. Сам термин «экономика» происходит от древнегреческих слов οἶκος – дом и νόμος – правило, закон и этимологически означает – правила ведения хозяйства. Один из первых авторов понятия экономики – Аристотель – видел в ней выражение процесса организации семейного хозяйства, производства. При этом семья оказывалась такой социальной группой, в которую были включены не только родственники, но и все, кто был задействован в конкретном семейном хозяйстве, например рабы. Памятуя о том, какое большое значение придавал Аристотель устройству общественных отношений, семейная экономика для него – это тоже прежде всего отношения. Следовательно, по Аристотелю, экономические отношения в рамках государства строятся как совокупность и продукт семейно-хозяйственных отношений. Политический выход анализа хозяйственно-экономических отношений в обществе у Аристотеля был в том, что именно семейное хозяйство он рассматривал как основу и опору наиболее эффективной и правильной формы организации политической власти в государстве – политии или, на римский лад, республики.

Современные определения экономики также указывают на интересующие нас составляющие её элементы, позволяющие в предлагаемом ракурсе рассматривать данный аспект в насто-

ящем исследовании, например «экономика – хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления» (429). В этом случае в экономике присутствует и хозяйственная деятельность, характеризующая состояние культуры общества, и отношения, связанные с распределением интересов, сочетаемые с различными уровнями политической сферы, в том числе с геополитикой, когда анализируются крупные социально-политические образования с типовыми культурно-цивилизационными признаками.

Одним из первых современное научное определение экономики сделал К. Маркс, который рассматривал экономику как совокупность производственных отношений, которые определяют процесс структурообразования общества, социальную стратификацию и политико-правовые отношения. По этому поводу он писал: «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (189, с. 6–7). Необходимо отметить, что именно в рамках марксистской концепции анализ производственных отношений в обществе вывел на построение модели общественно-экономических формаций. Сам К. Маркс, предлагая свою концепцию исторического развития общества, выступает не только в роли политэконома, но и социолога и даже геополитика, если вести речь о глобальном конфликте капиталистического и коммунистического способов производства и соответственно общественно-экономических формаций. Причём социологом К. Маркс предстаёт в традиционном для середины XIX в. русле, заложенном О. Контом, который, создавая новую науку об обществе, предлагал использовать категориальный аппарат, сложившийся в области естественных наук, и призывал к открытию законов общественного развития. О том, что К. Маркс воспринял этот призыв, свидетельствует использование им при обозначении своей концепции термина «формация», заимствованного из геологии. И, естественно, претензия на открытие закона общественно-исторического развития через смену эпох «экономической общественной формации».

Предложенная К. Марксом модель общественного устройства, производная от способа производства материальных благ, исторически изменчива под влиянием производственных отношений, и вследствие этого включает несколько ступеней своего исторического развития. Сам К. Маркс выделяет такие исторические способы общественного производства, как азиатский, античный, феодальный и капиталистический. Причём у него есть и другие модели градации истории человеческого общества, но эта более всего связана с культурными типами обществ, а через них и с цивилизациями, и с политическими системами.

Следует отметить, что обращение к концепции К. Маркса и марксистской теории объясняется тем, что, во-первых, в определениях экономики, производственных отношений там совершенно очевидно присутствует культура, во-вторых, культура производственных отношений и культура формирования экономического базиса (различные для исторических эпох) производят культуру общества в каждой исторической эпохе и политическую культуру в том числе, и, в-третьих, в своей практической реализации она (марксистская теория) непосредственно связана, более того, осуществляет политическое форматирование, да и вообще она предназначена именно для политического форматирования. Не говоря уже о том, что марксистская доктрина принимала и принимает (современный Китай) участие в геополитических процессах.

Ещё один немаловажный момент необходимо отметить. К. Маркс как учёный и философ начинал с философии гуманизма, посчитав впоследствии, что лишь коммунистическая формация в полной мере даст проявиться идее гуманизма. Из этого следует, что проблема человека, его свободы (экономической и политической) была если не очевидно выраженной в его работах, то присутствовала там генетически.

К. Маркс предложил свою интерпретацию идей Г. Гегеля, которая позволила ему в материалистическом духе рассмотреть принципы взаимоотношений общества и личности, с одной

стороны, и государства – с другой. Для него государство является продуктом материально-производственной деятельности человека, а не проявлением или развёртыванием, как у Г. Гегеля, Мирового Духа. Гегелевский мотив звучит у К. Маркса в том, что государство, потерявшее у него высшую духовную сущность, неспособно обеспечить свободу человеку, создать условия для полного раскрытия сущностных сил и способностей личности, потому оно должно быть ликвидировано. И в ликвидации государства состоит основное предназначение коммунистического общества. При этом государство существует только тогда, когда существует экономическое неравенство, преодолеть которое можно таким уровнем развития производительных сил, когда производственные отношения перестанут носить характер частнособственнических или капиталистических, а станут коммунистическими. Иными словами, экономический фактор политического и социального неравенства может быть преодолен самим экономическим развитием.

Впоследствии марксистская теория, представленная уже другими авторами, также отдавала приоритет в общественном развитии характеру и состоянию производственных отношений и постулировала, что сфера материального производства и тип общественных отношений, который при этом складывается, детерминируют социально-культурные качества человека. Они же определяют условия возможной реализации социальной свободы личности. Даже в основе деятельности человека, с точки зрения марксизма, лежат материально-преобразующие начала. А качество сознания и способность человека к целеполаганию и достижению прогнозико-моделируемого результата объявляются производными от труда. Более того, деятельность фактически отождествляется (и, таким образом, нивелируется до уровня бездуховности) с предметно-практической деятельностью: «Деятельность – это не простая направленность на мир, а такая человеческая активность, которая связана с **преобразованием** объектов, предметов, ситуаций» (197, с. 221–222).

С точки зрения марксистских теоретиков, достижение социальной свободы, открывающей невиданные прежде горизонты культурного развития личности и общества, возможно через прогрессивное изменение системы общественных отношений. Но ключ к этому лежит в сфере материального производства и производственных отношений, которые в таком случае должны быть избавлены от отношений собственников и неимущих. Единственным способом добиться этого является обобществление средств производства, переход их из частной собственности в собственность всего общества. Так, предлагается решать проблему социального интереса – частные и групповые интересы перевести в разряд общественных. На этом строится политическая доктрина марксизма.

Средством и источником изменения производственных отношений в марксизме являются производительные силы, точнее уровень их развития, и в дальнейшем марксистская теория стала рассматривать производительные силы в качестве «определяющего фактора исторического процесса» (350, с. 386). В конечном счете такая трактовка исторического процесса приводит к созданию культурно-цивилизационной модели, объясняющей линейно-стадиальное историческое развитие человечества с общественно-экономическими формациями: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической.

В целом социально-историческая концепция К. Маркса, как и теория общественно-экономических формаций, позволила более полно представить факторы, влияющие на развитие общества и человека, создающих социокультурное пространство. Было показано значение характера практическо-преобразовательной деятельности (материального производства) для качественных признаков состояния общества, изменения культуры социальных организмов. Сквозь призму развития производительных сил общества были рассмотрены, проанализированы и отражены исторические этапы взаимоотношений общества и природы. Представляется, что именно в рамках марксистской теории естественно-природные условия, как пространство

развёртывания человеческой социальной деятельности, становятся элементом исторического процесса, а не его фоном.

Заслуживает внимание так называемый формационный подход к периодизации социальной истории, который имеет значение и для нашего исследования. В соответствии с марксистской трактовкой человеческая деятельность, реализуемая в культуре производства материальных благ, в рамках старой формации ограничивается сложившейся культурой производственных отношений (как определённого способа выстраивания связей и взаимодействия участников производства). В результате возникает необходимость устройства новой, соответствующей развивающимся производительным силам формации. Переход от одной формации к другой осуществляется с использованием методов политического форматирования. Рабовладельческая формация предполагает возникновение совершенно нового формата социальных институтов – образуются политические институты государства, учреждения публичной политики (особенно в условиях рабовладельческой демократии), формируются политические классы. Политическое форматирование с наступлением феодальной формации выражается появлением новых политических классов феодалов и зависимых крестьян, переформатируется политическая функция государства. Тем более обязательное политическое форматирование наступает в связи с утверждением капиталистической формации, для которой совершенно новым атрибутом политической системы становится политическая свобода (хотя и ограниченная).

Отметим, что, говоря о способах общественного производства, исторических формациях, и К. Маркс, и его последователи, по сути, имели в виду цивилизационные формации, формирование которых происходит под воздействием экономической культуры, воплощавшейся в определённых способах общественного производства. Это даёт нам основания сконцентрировать внимание на:

- а) характеристике самого производства материальных благ общества;
- б) взаимосвязи материального производства с культурой человеческой деятельности;
- в) оценке марксистской концепции общественно-экономических формаций с её обозначением стадий цивилизационного форматирования в социально-историческом процессе и геополитического противоборства на современном этапе социального развития;
- г) определение своего собственного взгляда на исторические эпохи развития общества.

Обратимся к категориям источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия, определения которым были даны ранее (см.: 346). Доминанта или доминирующий источник социального существования оказывает влияние на характерные особенности способа экзистенциального взаимодействия. Он (т. е., источник) предстает в качестве объекта, на который направлена деятельность человека, в том числе производительная деятельность. В основном характер такой деятельности и специфика её методов детерминированы данным источником социального существования. В этом смысле он становится предметом деятельности, предметом производительных сил. Ведь хорошо известно, что объект есть то, на что направлена деятельность, а предмет обозначает характер и особенности подходов к различным сторонам объекта воздействия.

Мы можем выделить три уровня в процессе взаимодействия человека с природой, направленного на обеспечение человеческого существования. Первый уровень – это **присвоение** продуктов естественно-природных процессов. Второй – **обработка и организация** естественно-природных процессов. И третий – **создание** природных процессов, которые теперь становятся в большей степени искусственными, автономными в естественной природной среде.

Производство материальных благ на первом уровне осуществляется в формах такой хозяйственной деятельности, как охота, собирательство, рыбная ловля. Социокультурный фактор обнаруживает здесь себя в организации социальной жизни, структурировании социальных сообществ, средствах воздействия на природные процессы. Политическая составляющая

во внутригрупповых и межгрупповых общениях практически отсутствует, так как доминируют социальные потребности, а для социальных интересов ещё не возникли условия. Для эпохи присваивающего хозяйства свойственны локальность и дисперсность существования социальных групп, обнаруживающих себя в виде семейных, родовых и племенных организаций. В целом социальные институты находятся в зачаточной стадии формирования, действуют в неформализованном режиме, а политические – вовсе отсутствуют.

Второй уровень взаимодействия общества с природной средой в качестве хозяйственной деятельности имеет сельскохозяйственное производство. Здесь уже в полной мере проявляют себя социокультурные системы, выходящие за рамки локально-географической ограниченности, культурные комплексы обществ, цивилизационные конструкции. Интенсивно начинают создаваться и функционировать политические институты. Имперские образования, являющиеся носителями определённых культурно-исторических типов, выдвигают фактически геостратегические цели и задачи, что даёт возможность рассматривать их внешнеполитические действия (осуществляемые, как правило, в виде войн) в ракурсе геополитики.

Третий уровень – **созидание** – возникает с началом промышленного производства и развивается сейчас как промышленно-автоматизированное или информационно-электронное производство. Собственно, в эпоху начального развития этого уровня появляются концепции цивилизационного устройства, а затем и геополитического форматирования мира.

Возвращаясь к проблеме производственных отношений в социокультурных системах, включённых в исторически определённые условия существования, отмеченные уровни взаимодействия человека и природной среды мы должны наполнить социальным содержанием. Это достигается тогда, когда мы зададимся вопросом: для чего нужно взаимодействие человека и природы, с какими целями оно осуществляется? Ответ на этот вопрос можно получить определением источника социального существования, имеющего специфические особенности для каждого из трёх уровней взаимодействия.

При подобной корреляции мы получаем возможность рассматривать три соответственно доминирующих источника социального существования, каждый из которых предстает как специфически определенный социоприродный процесс. При этом обнаруживается, что сам источник существования, как процесс, выступает в качестве объекта и предмета человеческой деятельности, в том числе в сфере производительных сил.

Следовательно, как структуру производительных сил общества, так и содержание способа производства невозможно представить без источника социального существования. Он как предмет производства призван определять характер и качество средств труда, которые выступают как средства воздействия на природные процессы. Тем самым определяется характер производительных сил и состояние способа производства общества.

Если мы будем рассматривать начальную стадию социально-исторического развития, то для нее характерен присваивающий способ экзистенциального взаимодействия. В этот период человек, осваивая окружающую среду, присваивает часть природы и начинает строительство *oikumene*. А в результате практически-преобразовательной деятельности, как непрерывного компонента процесса присвоения, люди потребляют, но не производят, продукты естественно-природных процессов. Таким образом, применительно к производительной деятельности обозначается доминирующий и пока единственный источник социального существования. Поэтому мы говорим об уровне присваивающего хозяйства в зависимом (первобытном) обществе. Здесь определяющими являлись соответственно природой данный источник социального существования и присваивающий способ экзистенциального взаимодействия.

На второй стадии исторического развития доминирующим источником существования (при сохранении предшествующих форм хозяйственной деятельности) становится использование земли, ее возможностей. На этой основе строится организация сельскохозяйственного производства, в большей степени прогрессивного при земледелии, в меньшей – при ското-

водстве. Что опять же подчеркивает основополагающее значение осознанно-деятельностного начала у человека, так как организационно-технологически земледелие более сложный процесс, чем скотоводство.

Третий уровень в сфере производства материальных благ характерен тем, что использование земли методами сельскохозяйственной цивилизации не в состоянии удовлетворить растущие потребности развивающегося общества. Возникает ситуация, суть которой сводится к следующему: либо прежние условия существования будут ограничивать деятельностные возможности личности со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, либо социальный прогресс, выражающий социальную реализацию сущностных сил личности (т. е. ее социальную свободу), изменит сложившийся способ взаимодействия с природой.

Природосозидающий источник социального существования, имеющей в сфере практически-преобразовательной деятельности человека форму промышленно-автоматизированного производства, наполняет новым содержанием прежние доминирующие формы хозяйствования. Об этом можно судить исходя из таких, ставших привычными в современном мире определений, как агропромышленный комплекс, промышленное рыболовство и т. п. Они отмечают основополагающее и доминирующее значение промышленности, выражающей в хозяйственной сфере общества созидающий способ экзистенциального взаимодействия человека с природой.

Складывающаяся таким образом система производства материальных благ не может не оказывать влияния на характер социальных отношений. Такое влияние испытывают на себе отношения в сфере материального производства или производственные отношения. Значит и личность, как субъект деятельности и основной элемент социальной системы, испытывает на себе это влияние.

Чтобы наглядно представить и лучше отразить место и значение источника социального существования в структуре способа производства материальных благ, мы схематизируем этот процесс. Такая схема, по своей форме, хорошо известна и основывается на разработках отечественных философов, занимающихся социально-философскими проблемами (см. схему).

Значение понятия источника социального существования объясняется также тем, что оно позволяет внести ясность в определение исторических способов производства материальных благ, которые определяются условиями источника социального существования. В конечном счете сохранение по тем или иным причинам условий определённого источника социального существования, определённых условий среды не позволяет развиваться новым способам производства. В силу этого производительные силы лишаются импульса к совершенствованию, что ведёт и к определённой социокультурной и политической стагнации. Коррелируемый с этим заключением вывод мы можем найти у К. Маркса: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. В общих чертах азиатский античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (189, с. 7). С позиции нашего исследования это замечание как раз акцентирует внимание на условиях в источнике социального развития, прежде всего в сфере материального производства.

Впоследствии, однако, в рамках марксистской социальной философии и наук, использующих её в качестве своей методологической базы – истории, социологии, политической экономики, укоренилась несколько иная точка зрения. В соответствии с ней было принято определять в качестве уровней социально-исторического развития рабовладельческий и феодальный способы производства, считая последний более прогрессивным. По этой причине возникают известные трудности с определением критерия исторического прогресса, а также некоторые противоречия с тем, что писал К. Маркс. Ибо уровень социальной истории, определяемый как «феодальный способ производства», достиг качества в развитии производительных сил античного общества (с «рабовладельческим способом производства») лишь к XII в.! Вообще проблема в формационном членении человеческой истории возникла чуть ли не с момента появления формационной теории. Достаточно сказать, что сам К. Маркс кроме определения «азиатский способ производства» использует модель социально-исторической периодизации на основе выделения трех формаций – первичной, вторичной и третичной (191, с. 250–251) исходя из отчуждения труда: отсутствие отчуждения в первобытно-общинном строе, отчуждение в классовом обществе и снятие отчуждения при коммунизме. В работах Ф. Энгельса присутствует другая модель исторической периодизации. Он использует культурно-исторический подход и говорит о варварстве, дикости и цивилизации (433, с. 23—178).

Эти проблемы стали предметом дискуссий сначала в 20-30-е гг., а затем в 60-70-е гг. XX в. В последней активное участие принимали исследователи из СССР, Венгрии, ГДР, Франции и Великобритании. В последней трети XX столетия проблема общественно-экономических формаций поднималась в работах М. А. Барга, А. П. Бутенко, В. М. Вильчека, Ю. М. Гарушянца, А. Я. Гуревича, В. С. Егорова, В. П. Илюшечкина, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, В. И. Мазура, В. Н. Никифорова, В. Е. Хмелько и др. Практически все они фиксируют отмеченные противоречия теории общественно-экономических формаций.

Использование в настоящем разделе определений источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия позволяет снимать подобного рода противоречия. Так называемые рабовладельческий и феодальный способы производства являются разновидностями одного определенного способа взаимодействия человека с природой. Поэтому правильнее будет говорить и об одном кардинальном способе производства, который можно обозначить как сельскохозяйственный. И способ взаимодействия, и способ производства имеют своей доминантой природоорганизующий источник социального существования. А процесс производства предполагает самые разнообразные формы сельскохозяйственной деятельности.

При всей значимости системы производства материальных благ для общества и человека она не может рассматриваться как единственный основополагающий источник социогенеза и последующего развития общественных структур. На это указывают даже авторы, придерживающиеся «трудовой теории» происхождения и развития человека: «При. производительности труда у бушменов они в принципе могли бы коллективно добывать пищу лишь один день из четырех. Следовательно, в остальные три дня они друг другу практически не нужны, и, следовательно, никому не нужна их форма сообщества. Понятно, что гибель такого сообщества была бы вопросом времени, если бы эволюция не развила гоминид (не у бушменов, конечно, а у наших общих животнoобразных предков) потребностей в общении, не связанном с удовлетворением органических потребностей» (39, с. 81). Поэтому не общественное производство и не труд, как его основа, детерминируют функционирование человеческого общества, не они определяют и историческую типологизацию обществ. Они лишь обеспечивают социальное функционирование, выступая в качестве средства, а не причины.

Следовательно, уровни социальной истории не могут быть выведены из «тонкой» специфики материального производства. Его историческое и региональное разнообразие и модификация во многом связаны с отличиями природно-географической среды, культуры и менталитета общества, социально-этническими традициями, историческим опытом, степенью и интенсивностью внешнего воздействия. Периодизация всемирной истории и выделение уровней в социально-историческом развитии осуществляется исходя из сущностно значимых для человека параметров. Они выражают: а) качество сознательной деятельности (представленное степенью реализации социальной свободы личности) и б) развертывание процесса осознанного взаимодействия с природной средой и качественные уровни этого процесса.

Так, присвоение продуктов естественно-природных процессов, осуществляемое в таких формах хозяйственной деятельности, как собирательство, рыболовство и охота, обуславливает определенные орудия и средства воздействия на объект. Этим определяется характер самого предмета воздействия. К тому же обосновывается форма отношений и общения в обществе, принципы социального устройства с необходимым коллективным единством и целостностью. Необходимо отметить, что все отмеченные процессы выражают состояние общественного сознания, где господствует система коллективных представлений, развивающихся в рамках преобладающего массового сознания и психологии («психология толпы»).

Когда доминирующим в использовании источника социального существования становится природосозидающий процесс, то он в своей производственной значимости становится определяющим для предмета производительных сил общества. Его выражением в сфере практически-преобразовательной деятельности становится промышленное (впоследствии промышленно-автоматизированное) производство. Здесь промышленное производство создает опережающие темпы развития сельского хозяйства. Возникает ситуация, когда сельское хозяйство как бы становится дополнением промышленности. Ибо первое просто не может обойтись без второго, а в целом существование современного сельскохозяйственного производства не представимо без развитой промышленной базы. Недаром сельскохозяйственная наука начинает свое становление в XVIII в. Тогда немецкий агроном А. Тэер, систематизировавший сельскохозяйственные знания, определил сельское хозяйство как «промышленность, которая имеет целью через производство растительных и животных продуктов получать доход» (313, с. 384). Безусловно, такое определение весьма символично.

Здесь также прослеживается обусловленность предметом (производительных сил) определенных орудий и средств труда, воздействующих на производственно-ценную сторону источника социального существования. Поэтому предмет в структуре производительных сил предстает не статичной константой, а постоянно изменяющимся процессом. Собственно этот процесс и определяет качество глобально-исторических способов производства, которые вытекают из соответствующих способов экзистенциального взаимодействия и доминирующих

источников социального существования. Формы организации хозяйственной деятельности и социального устройства являются конкретно-историческими, связанными с особенностями региона распространения. В этом случае нет ничего удивительного в том, что даже в одном пространственно-временном контексте существуют различные формы хозяйственной деятельности и социального устройства, как, например, крепостническая форма – в Спарте и рабовладельческая – в Афинах.

Следовательно, способ производства материальных благ определяется на основе доминирующего источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия. Тогда в процессе социально-исторического развития также выделяется три глобально-исторических способа производства: присваивающий, сельскохозяйственный и промышленно-автоматизированный.

Переход от одной доминанты к другой возможен только тогда, когда прежняя исчерпала свой потенциал вследствие развертывания человеческой деятельности, когда она уже не в состоянии удовлетворять социальные потребности и не соответствует им. Небезынтересно в качестве своеобразной аргументации этого утверждения сослаться на вывод известного отечественного археолога В. М. Массона. В одной из работ он фактически отметил один из способов «исчерпания» доминанты в производственно-практической сфере общества: «Вместе с тем переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментальных забав досужих интеллектуалов, а острой экономической необходимостью. Только при определенных условиях (подчеркнуто мной. – А. Ф.) человек был вынужден направить свою энергию и творческие способности на улучшение и совершенствование традиционных способов добычи пищи. Скорее всего, здесь главную роль играло противоречие между возрастающим населением и производственными возможностями старых форм экономики» (199, с. 135).

Процесс «исчерпания» источника существования непосредственно связан с обозначенным распространением социального движения. Наиболее наглядно он проявляется при переходе к организации производственной деятельности на основе использования природных процессов, связанных с возможностями земли как природного феномена. Охота на животных и возникающая невозможность таким образом обеспечить себя продуктами, заставляет человека искать иные пути и средства жизнеобеспечения. Он начинает организовывать обеспечение себя мясом посредством развития скотоводства как новой формы хозяйственной деятельности. Собираательство, как присвоение и использование растительных продуктов, по тем же причинам приводит к организации земледелия.

Если обратить внимание на первоначально возникающие ареалы земледельческой и скотоводческой культур, то они возникают как раз в тех местах, где до них были распространены соответственно собираательство и охота. Ближний Восток, где произрастала и собиралась дикая пшеница, становится очагом древнего земледелия. Евразийские степи, богатые дикими животными, как объектами охоты, превращаются впоследствии в пространства существования скотоводческих племен. В связи с этим интересно отметить, что более продуктивный способ жизнеобеспечения – охота – «породил» менее прогрессивный с точки зрения стимуляции социальных отношений – скотоводство. Им стали заниматься этносы, ведущие кочевой образ жизни. В то время как собираательство, слабо социально «заряженное» и близкое к форме животной жизнедеятельности, стало платформой для перехода к прогрессивному земледелию.

Еще один очень важный вывод связан с тем, что развитие производительных сил не является самодовлеющим фактором исторического процесса, детерминирующим и производственные отношения, и состояние социальной системы в целом, и развитие личности. Здесь мы можем сослаться на мнение автора, чей авторитет в большей степени использовался, да и используется сейчас некоторыми исследователями, как раз с целью обосновать и представить приоритет материальной стороны общественной жизни, детерминацию процессом общественного производства всех иных сфер и сторон общества. В письме Й. Блоху Ф. Энгельс

отмечает несколько иные приоритеты в социально-историческом развитии и совсем не экономическую определяющую общественного развития, точнее, не только их: «... В историческом процессе определяющим моментом *в конечном счёте* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» (432, с. 394). Когда Ф. Энгельс говорит о «производстве и воспроизводстве действительной жизни», то это и есть тот комплекс и система человеческой деятельности, которые выражаются **способом экзистенциального взаимодействия** применительно к использованию источника социального существования.

Само производительное развитие обусловлено через использование источника социального существования, определенным способом экзистенциального взаимодействия человека с процессами природной среды, которая исторически прогрессивно преобразуется и всё в большей степени создается самими людьми. В исходном положении развитие производительных сил обусловлено **сознательной деятельностью** человека со всеми необходимыми для нее атрибутами. К их числу относятся возможности и степень реализации сущностных сил личности, качество и формы самой деятельности – то, что необходимо для культурного производства и воспроизводства.

Предлагаемая модель культурно-исторического и культурологического анализа, основанная на определениях источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия, являющихся выразителями развития культуры общества, позволяет выделить два измерения культуры существования человека и общества: онтологическое или бытийное, связанное с функционированием культуры в универсальных исторических типах общества, абстрагированных от конкретной пространственно-географической среды и феноменологическое или проявляющееся, показывающее пространственно-временное перемещение культурных комплексов по очагам мировой культуры. Уровни социальной истории, выражаемые универсальными типами общества, могут быть представлены и как культурно-исторические эпохи, которые и определяют «узлы сборки» мировой человеческой цивилизации, последовательно сменяющие друг друга в их онтологическом содержании. Очаги мировой культуры также характеризуют социально-исторический процесс, но уже с позиции его пространственно-временного расположения, проявляющегося в передвижении от одного географического ареала к другому, но не замещающего, тем более не отрицающего предыдущий.

Эти измерения культуры не исключают существование особых, обусловленных спецификой крупных социальных организмов, обществ, культурно-исторических типов, подобных тем, что были описаны и проанализированы Н. Я. Данилевским. Каждое из наших измерений как раз и наполняется особыми культурно-историческими типами, передающими индивидуальные особенности конкретных социокультурных комплексов, создающих локальные цивилизации. Однако и в том и в другом измерениях культура предстаёт прежде всего в качестве способа существования человека, обеспечивающая сохранение системных качеств общества и среды социального существования.

РАЗДЕЛ II

Социокультурная платформа цивилизации

2.1. Цивилизационные критерии развития культуры общества

Самым распространённым определением цивилизации является такое, которое выводит её из развития культуры общества. Исходя из этого давали определения цивилизации философы и учёные, предложившие в конце XVIII в. этот термин ввести в научный оборот, и авторы более развёрнутых культурно-цивилизационных концепций в середине XIX столетия и в последующее время. Например, А. Фергюсон, одним из первых использовавший термин «цивилизация» для обозначения уровня общественного развития, понимал под цивилизацией стадию исторического развития человечества, следующую за дикостью и варварством. Для него цивилизация – это стадия более высокой культуры общества, которая предполагает появление гражданина как субъекта общественных отношений, формирующих общественные классы. В этой связи гражданство и государство становятся, по сути, тождественными явлениями, взаимообусловленными человеческой деятельностью по окультуриванию пространства своего существования. Примечательно, что основной труд А. Фергюсона носил название «An Essay on the history of the civil society», что в дословном переводе звучит как «Очерк по истории гражданского общества».

Важно отметить, что А. Фергюсон рассматривал возникновение цивилизационных институтов как следствие (культурной) деятельности людей в определённых природных ситуациях, при этом он отрицал возможность людей (даже самых великих) моделировать социальное устройство и отсюда договариваться об устоях социального и политического функционирования. Для нас нет потребности в рамках настоящего исследования анализировать и давать оценки взглядам А. Фергюсона, потому просто зафиксируем его позицию в контексте рассмотрения проблемы цивилизации в человеческой истории и интересующей постановки вопроса: «Каждый шаг и каждое движение (массы) народа в будущее, даже в так называемые просвещённые века, сделаны вслепую, и нации находят учреждения (институты управления. – А. Ф.) в результате человеческой деятельности, а не вследствие своих замыслов и намерений» (448).

А. Фергюсон, отрицая концепцию общественного договора при создании государства, считал, что государство, гражданские отношения и цивилизация возникают в ответ на требования природной среды и ею обусловлены. Однако обусловленность эта возникает только в процессе человеческой деятельности, которая находится и развивается в рамках культурной традиции. Оставив за скобками ряд категорических заключений А. Фергюсона (отрицание им процедуры общественных соглашений при формировании социальных институтов, возможности проектировать учреждения общественного управления, возвышение природно-расовых факторов в культурно-цивилизационном развитии и т. п.), отметим, что в его определении понятия «цивилизация» присутствует деятельностный подход (социальные цивилизационные учреждения как результат человеческой деятельности, хотя и спонтанный) и культурная детерминация цивилизационной формы общества (культура общества на стадиях дикости и варварства, по А. Фергюсону, не в состоянии создавать цивилизационных учреждений). Следует также подчеркнуть, что основные параметры определения «цивилизации», данные А. Фергюсоном, не отрицались последующими авторами и остаются функциональными и сегодня. К их числу относятся признаки, которые характеризуют состояние цивилизации в процессе социально-исторического развития человечества:

– развитие экономической культуры общества, которая приводит к разделению труда и последующим стратификационным изменениям;

– профессиональная специализация, классовые различия, образование социальных слоёв;

– формирование устойчивой системы социальной коммуникации с неведомыми ранее институтами, обеспечивающими её стабильность, – одним из таких институтов становится купечество, выполнявшее не только торгово-экономические функции, но и важнейшие функции культурного обмена;

– образование политического института государства как способа и средства управления сложным социальным организмом – формализация социального управления с помощью законов, административных норм, институциональных распоряжений, перевод на вторые роли общественной власти, основанной на традициях.

Отмеченные признаки обуславливают гражданскую правосубъектность, возникновение городов с особыми социальными общностями, изобретение письменности. Гражданская правосубъектность проявляет себя в том, что определённая часть членов общества (господствующий класс, особенно на ранних этапах цивилизационного развития) получает возможность строить систему социальных отношений, замещая или ослабляя господствующую в доцивилизационном обществе власть традиции, которая (естественно персонализированная в образах племенных вождей и колдунов) устраивала отношения в социальных группах. Города становятся не только территорией организации сложных социальных связей, требующих особого внутреннего социального управления, но и центрами внешнего социального управления окружающего пространства, выполняя функции политических центров как необходимых атрибутов государственного устройства. Письменность изначально была и формой передачи необходимых обществу знаний, культурных по своему содержанию и предназначению, и способом коммуникационного обмена внутри определённых культурных сообществ и между таковыми. Тем самым цивилизационные формы, являясь следствием развития культуры общества, сами становятся важнейшими компонентами этой культуры и, более того, активно влияют на дальнейшее культурное развитие.

Исходя из имеющихся основных определений понятия «цивилизация», начиная с А. Фергюсона, она в своём статусном измерении (передающем состояние явления в пространстве и в процессе) не может рассматриваться тождественной культуре, но, безусловно, производна от неё. Ещё один аспект состоит в том, что культура, которая оказывается неспособной произвести цивилизационное оформление своих достижений, не получает условий для своего дальнейшего развития. В таком случае цивилизация может рассматриваться как продолжение культуры в новом стадийном развитии. Если воспользоваться классификацией А. Фергюсона о трёх стадиях развития общества (и его культуры) – дикости, варварстве и цивилизации, то прекращение вследствие влияния различных факторов цивилизационного формирования общества означает возврат его в состояние варварства, а то и дикости.

После включения в конце XVIII в. термина и понятия «цивилизация» в научный оборот исследования этого феномена человеческой истории и человеческого существования переходят в середине XIX в. на уровень функциональных измерений, которые привели к образованию понятия локальных цивилизаций. Одним из первых, кто поднял проблему локальных цивилизаций, был Г. Рюккерт, который в большей степени рассматривал историческое развитие человечества и не акцентировал внимание на определениях цивилизации, используя термины «социоисторические организмы», «исторические организмы», «культурно-исторические организмы», «исторические индивиды», «культурно-исторические индивиды» и «культурные типы», обозначая таким образом особые и в значительной мере отдельные социальные системы, существующие параллельно друг другу. Для своего времени Г. Рюккерт выделяет пять высших «культурных типов»: германо-христианский (западноевропейский), восточно-христианский (славянский), арабский (исламский), индийский и китайский (288). Однако говорить о какой-либо теории или концепции локальных цивилизаций и даже культурно-исто-

рической типологизации Г. Рюккерта не представляется возможным, так как он исследовал прежде всего, феномен германской (и опосредованно европейской) культуры с позиции культурологии, но не социологии и политической философии.

Первым, кто дал оценку локальным цивилизациям, был Н. Я. Данилевский. В принципе его можно считать и создателем первой цивилизационной теории или теории культурно-исторических типов. Другие известные цивилизационные (культурно-цивилизационные) теории О. Шпенглера и А. Тойнби были созданы намного позднее. В контексте нашего исследования представляет интерес характеристика Н. Я. Данилевским взаимосвязи культурно-исторического типа и цивилизации, демонстрирующая отмеченное выше влияние цивилизационного оформления культурной системы общества на дальнейшее её развитие с сохранением специфических типологических особенностей. Отмечая, что не все культурно-исторические типы достигают состояния цивилизационного оформления, он указывает целый ряд тому причин: «Явления перепутываются, усложняются; часто явления одного и того же порядка разделяются длинными промежутками времени и дополняют друг друга, а явления одного периода продолжают действовать в другом. Даже не все культурные типы успевают переходить вполне все фазисы этого развития потому ли, что разрушаются внешними бурями, или потому, что самый запас собранных ими сил был недостаточен, что полученное направление слишком односторонне для полного развития» (95, с. 112).

Далее он на конкретном примере иранского (персидского) культурно-исторического типа, который может быть применён и к другим историческим обществам, показывает, как происходит процесс, ведущий к цивилизационному тупику и последующей смерти самобытного культурно-исторического типа: «Так, культурный тип Ирана, побужденный принять форму государственности, вследствие борьбы с туранскими племенами, никогда не переходит на степень цивилизации, как потому, что в самый блистательный период своей государственности, при Кире и Дарии, теряет свой самобытный характер вследствие инкорпорации древне-семитической цивилизации Ассирии, Вавилона и Финикии (имевшей на него то же вредное влияние, как Греция на Рим, без полезных сторон последнего), так и потому, что неоднократно возобновляемая государственность Ирана последовательно разрушается македонянами, арабами и монголами» (95, с. 112).

Приведённые ссылки показывают также то, что и в статусном измерении цивилизации как сущностного явления человеческой истории (позволяющим говорить о глобальной человеческой цивилизации), и в функциональном измерении, представляющим локальные исторические цивилизации, свойственные для крупных и устойчивых социокультурных комплексов, мы обнаруживаем важнейшее предназначение цивилизационного устройства общества – сохранять условия для его культурного развития, возникая благодаря культурным достижениям и подпитываясь ими. В этом смысле цивилизация обязательно требует формирования учреждений, которые будут выступать в качестве инструментов по оформлению культурных достижений общества. Основным таковым инструментом-учреждением выступает государство – и как политический институт, и как морально-психологическая опора, сдерживающая внутренние вызовы и отражающая внешние угрозы. Обозначение в русском языке государства синонимом «держава» как раз передаёт морально-психологический смысл его определения. Государство, основным предназначением которого является управление обществом, сохранение его системной устойчивости, в рамках определённой цивилизационной конструкции непосредственно и в первую очередь участвует в сохранении, развитии и совершенствовании культурных достижений. Делает то, что можно обозначить как оформление культуры. Это обозначение не столько даёт широкие права государственным институтам, сколько возлагает на государство высочайшую степень ответственности за состояние общества, сохранение его социокультурного комплекса и культурно-исторического образа. Эти функции государства применимы к любому его формату, в том числе к малым государствам с ограниченным суверенитетом. Но к государству,

встроенному в цивилизационный формат, функции удержания культурных достижений общества выводят его на геополитический уровень. И тогда оформление культурных достижений общества становится и цивилизационной, и геополитической задачей.

Культурные стандарты общества, выступающего как социокультурный комплекс с соответствующей цивилизационной формой, подверженные внутренней коррозии и внешнему замещению, могут нести прямую угрозу будущему данной цивилизации и представлять непосредственную геополитическую опасность. Культурная агрессия иных цивилизаций может привести к цивилизационному тупику социокультурного комплекса (на что обращал внимание Н. Я. Данилевский) и к цивилизационному застою, влекущему за собой в перспективе цивилизационную гибель и геополитическое поражение собственных культурно-цивилизационных интересов в масштабах глобальных географических пространств. Например, цивилизации ацтеков и майя были искоренены иными, европейскими, культурными стандартами, включая религию, в большей степени, нежели военно-политической мощью Испании. В современном мире культурные стандарты, произведённые в европейском (или евро-атлантическом) социокультурном комплексе (главным образом в США), предназначенные отнюдь не для внутрицивилизационного потребления, выполняют функции геополитического оружия, разрушая социокультурные устои других цивилизационных образований. Эта проблема является одной из основных для современной геофилософии, как направления в геополитике.

В плане обоснования предложенной формулировки цивилизационного оформления культурных достижений и собственного определения самого понятия цивилизации целесообразно рассмотреть некоторые распространённые сейчас определения цивилизации с тем, чтобы провести необходимую корреляцию позиций. С этой целью стоит воспроизвести трактовку понятия «цивилизация», которая даётся в «Википедии», одном из самых востребованных словарно-энциклопедических ресурсов современного общества, который отражает наиболее интересные для нас аспекты, отсутствующие в марксистских определениях цивилизации, сводящей её к культуре [31], в международных справочных изданиях, дающих расплывчатые и поверхностные определения (311), даже в специальных научных исследованиях, где определение вовсе отсутствует [105]. Итак, «цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский, государственный): 1) общеполитическое значение – социальная форма движения материи, обеспечивающая её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства); 2) историко-политическое значение – единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли); 3) стадия всемирного исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы, дифференцированности общественного сознания); 4) локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающимися по законам витальных циклов» [370].

Рассмотрим по порядку в интересующем нас контексте каждое из приведённых определений. По поводу общеполитического определения следует отметить, что в нём достаточно явно присутствует марксистский подход – «социальная форма движения материи», что само по себе не означает ни недостатков, ни преимуществ. Однако сведение цивилизации сугубо к движению материи, хотя и социальной, становится ущербным, так как *de-facto* нивелируется духовный фактор, без которого культура человека и общества непредставима. И всё-таки отмеченная фраза является не более чем введением к определению, а констатирующая часть – «способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства)» – однозначно указывает на то, что в этом определении присутствуют: а) деятельностный фактор (саморазвитие); б)

выработка норм, стандартов, правил функционирования (социальной) системы, направленных на упорядочивание связей со средой существования (саморегуляция). Другое дело, что наши коррективы не прописаны в этом определении, но они однозначно из него следуют. Утверждение «способность к саморазвитию путём саморегуляции» указывает прежде всего на то, что именно саморегуляция (системы) является необходимым условием (само) развития. Развивая эту мысль до её логического завершения, мы приходим к нескольким весьма значимым выводам:

1) саморегуляция требует наличия необходимого культурного потенциала, обеспечивающего её «введение в строй», т. е. нужен «багаж» культурных достижений общества;

1) регуляция связей с внешней средой предполагает устойчивость связей внутрисистемных элементов структуры социального организма, что в обоих случаях достигается благодаря высокой культуре социального взаимодействия, включающего в себя социальные институты как учреждения по социальной организации;

2) потребность в саморегуляции возникает вследствие продвижения культуры общества во внешнюю среду, окультуривание окружающего природного пространства;

3) саморегуляция предстаёт не только как правила поведения системы в отношении окружающей среды, но и оформление самой социальной системы, которая вне культурного содержания существовать не сможет, значит, это есть и оформление, и упорядочивание культурных достижений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.